

попаданец

Владимир
Марков-Бабкин

ИМПЕРАТОР
МИРА

Попаданец (АСТ)

Владимир Марков-Бабкин

Император мира

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Марков-Бабкин В.

Император мира / В. Марков-Бабкин — «Издательство АСТ»,
2021 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-136311-6

Год 1917-й. Революционные изменения охватили Россию и весь мир. Новый русский император Михаил II вступил в схватку с сильными мира сего. И схватка эта с каждым днем становится все более жесткой и изощренной. Битвы, интриги, цинизм, заговоры, предательства, покушения, казни, трагедии и нотка романтики – вот повседневная бурная жизнь нашего современника, оказавшегося посреди революции и Великой войны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-136311-6

© Марков-Бабкин В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава I	6
Глава II	13
Глава III	23
Глава IV	34
Глава V	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Марков-Бабкин

Император мира

Посвящается моей семье.

Отдельное спасибо Виталию Сергееву.

© Владимир Марков-Бабкин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава I

Имперский Первомай

МОСКВА. ХОДЫНКА. 1 (14) мая 1917 года

Тысячи красных флагов заполнили площадь аэродрома новой столицы России. На Ходынском поле разворачивалось главное действие празднования Первомая – нового государственного праздника Российской империи.

– Да здравствует Первое мая – День труда и служения обществу! Ура!

В толпе восторженно кричат и машут руками.

– Да здравствует его императорское величество государь император Михаил Александрович! Ура!

Площадь взрывается от здравиц. Приветственно машу своим подданным рукой с трибуны. Знал бы кто из них, как я устал за эти два минувших месяца. За какие грехи я здесь?

Заговоры, убийства, череда покушений и взрывов, мятежи, сотни погибших, десятки казненных – все это слилось в какую-то сплошную кровавую фантазмагорию, переполнявшую каждый мой день. Можно ли тот взрыв на Красной площади считать финальным актом в той драме, которая разыгрывалась на подмостках империи первые полтора месяца моего правления? Очень сомневаюсь. И то, что за прошедшие после Кровавой Пасхи три недели внутри России не произошло ничего чрезвычайного, я бы расценивал лишь как затишье перед новой бурей, слишком уж многие интересы поставлены на карту и слишком многим я встал поперек дороги.

Кто-то в толпе пытается петь «Боже, царя храни!», но как-то патриотический порыв потонул в общих криках «Ура!». Распахиваю руки в жесте объятий. Новый взрыв восторга на площади.

Начинается военный парад. Внизу, на Ходынском поле, генерал Брусиллов на вороном коне браво докладывает принимающему парад генералу Гурко. Начинается объезд войск. Звучат рапорты и приветствия, звучит протяжное «ура».

Новые флаги, новые лозунги, новые песни. Новый император. Каждое мое новшество рождает ощущение перемен и отдаляет нас от угрозы революции, но одновременно повышает планку общественных ожиданий, принуждая меня к дальнейшим, еще более радикальным действиям. И кто знает, не усугубляю ли я еще ситуацию, фактически давая революции лишь отсрочку?

Даруя Конституцию и прочее, я резко ускорил изменения в обществе, а меж тем главные противоречия в общественной жизни никуда пока не делись. Запрос на мир, требования земли, ожидание справедливости, надежда на лучшее будущее – все это не только не исчезло, но лишь усиливается с каждым днем и с каждой моей реформой.

Россия все еще на грани гражданской войны. Кровавой междоусобицы, которая не только похоронит многие миллионы людей, но и отбросит страну на десятки лет в прошлое.

Империя все еще на грани военного поражения. Оздоровление армии и восстановление дисциплины все еще далеки от завершения, и дай бог, чтобы русская армия сумела сейчас выстоять хотя бы в обороне. Про наступление пока и говорить нечего. Да и не пойдут солдаты в наступление. Стоит мне сейчас отдать подобный приказ, и я получу революцию.

Вот и остается мне махать рукой и приветствовать войска. Пока лишь в Москве и пока лишь на параде. А меж тем революция во Франции создала реальнейшую перспективу обрушения фронта на Западе, а это значит, что, разобравшись с французами, немцы почти наверняка ударят по нам. И удержит ли русская армия фронт – бог весть. Скорее нет, чем да.

А вот и генерал Гурко на своем белом жеребце подскакал к моей трибуне. Взбегает по ступенькам наверх.

– Ваше императорское величество! Войска лейб-гвардии и части московского гарнизона Русской императорской армии для участия в военном параде в честь Дня труда и служения готовы! Командующий парадом генерал-адъютант Гурко!

Отнимаю ладонь от обреза своей фуражки и пожимаю руку генералу.

– Честь в служении!

– Во имя Отчизны, ваше императорское величество!

Поворачиваюсь к установленному на трибуне большому рупору. Звукоусиливающую аппаратуру в 1917 году еще не изобрели, микрофонов и колонок нет, так что орать приходится от всей души и на всю мощь легких. Понятно, что в таком режиме я ограничиваюсь несколькими общими приветствиями и здравицами доблестному воинству, завершив свою речь уже привычным:

– Честь в служении! Ура!

Троекратное «ура», оркестр играет гимн, площадь поет «Боже, царя храни!».

Открывали парад мальчишки и девчонки из пионеров империи, юношеского подразделения Корпуса служения. Несколько сотен сирот – детей погибших на этой войне солдат. Глядя на более-менее четкие ряды пионеров, одетых в гимнастерки, я мог оценить работу, проделанную полковником Дроздовским. Одно дело сформировать отряды Корпуса служения из взрослых, а совсем другое – из разновозрастных детей, к тому же сирот, которые отнюдь не испытывали восторга от окружающей жизни. Даже такая мелочь, как обмундирование, и та требовала немалых усилий. Если взрослым членам Корпуса просто выдали со складов те самые буденовки, именуемые здесь богатырками, да прочее васнецовского дизайна обмундирование, которое готовилось Николаем для парада в Берлине, то для детей все пришлось шить заново. Ну, и пионерские галстуки, разумеется, куда без них.

– Приветствую пионеров империи – славное будущее нашего Отечества!

Мой крик вызвал новую волну ликования, а сами пионеры буквально сияли от восторга и гордости. Сегодня мне еще предстоит визит к ним «на чай». Все будет как положено, и посиделки у пионерского костра, и песни, и разговоры за жизнь, и все такое прочее. И сына возьму с собой. Пусть ему всего шесть лет, но пора уже формировать свой круг. Да, стать императором графу Брасову не суждено, закон не позволяет, но сын государя есть сын государя. И с этим ему жить. И мне. И всей стране.

Вслед за пионерами империи мимо моей трибуны движутся различные образцы техники и вооружений – прокатывают броневики, едут грузовики, тянут паровые тягачи за собой разнокалиберные орудия. Была у меня мысль показать на параде тачанки, но решил пока данное ноу-хау придержать в секрете. Не всегда русская армия будет сидеть в обороне, когда-нибудь и ей предстоит порезвиться где-нибудь на полях Австро-Венгрии, Румынии, Болгарии или Оттоманской империи. Так что пусть будет маленький туз в рукаве.

Далее маршируют настоящие герои войны – сводный батальон Георгиевского лейб-гвардии полка его императорского величества. Полка, весь личный состав которого сформирован из кавалеров георгиевских наград за храбрость, настоящих зубров войны, каждый из которых имеет большой боевой опыт. Полка, который стоит целой дивизии. Именно Георгиевский, тогда еще батальон, стал той силой, опершись на которую я пришел к власти, захватив Ставку Верховного Главнокомандующего в Могилеве.

– Спасибо георгиевским кавалерам – героям России!

Маршируют войска. Чеканят шаг солдаты. Стучит копытами конница. Первомайский парад. Апофеоз слома истории. Русская императорская армия на параде в честь первомайского праздника. Русский монарх приветствует маёвку. Абсурд или новая веха истории?

Но идут солдаты. Приветствует их честной народ. Выкрикивают здравицы и поют «Боже, царя храни!». Красные флаги реют над толпой. День труда и служения. Первое мая 1917 года.
Ура!

Чеканит шаг женский батальон во главе с Марией Бочкаревой. Летят аэропланы. Оглашает диктор имена пилотов:

– Головной «Илья Муромец» пилотируют штабс-капитан Галанчикова, поручик княгиня Долгорукова, подпоручики Анатра и Самсонова. Женский экипаж, символ нового времени, символ прогресса и новой роли женщин в мире!

Да, Россия и тут впереди планеты всей – женщинам не только даны избирательные права, коих нет здесь пока ни в одной крупной стране мира, но и дозволено служить на государственной службе, в армии и в авиации.

А вот и гвоздь программы – красный дирижабль. Величественно проплывает над Ходыньским полем наш «Гигант», несущий на своем борту огромную звезду Богородицы.

– Пожелаем нашим отважным воздухоплателям успеха в их миссии! Спасем и защитим нашу землю!

Площадь вновь взрывается криками восторга и овациями. «Гигант» летит в Сибирь, искать следы корабля марсиан. Разумеется, никаких марсиан там не было и нет, но кто знает об этом, кроме меня?

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО».

1 (14) мая 1917 года

Пламя пионерского костра под восторженные крики детворы взметнулось высоко в вечернее небо. Ласковая майская ночь не спешила вступить в свои права, даря собравшимся у огня мальчишкам и девчонкам лишние минуты счастья, которого многие из них не испытывали в своей жизни очень давно.

Да, сегодня был их день. День, когда сбываются самые невероятные и сокровенные мечты и в который загадывают новые желания, счастливо сжимая в перепачканных золой ладошках только что вынутую из костра картошечку. Загадывают, веря, что все загаданное сегодня обязательно, ну просто непременно сбудется.

Ещё бы, в такой-то день! Не каждый ведь день тебе доводится открывать военный парад, маршируя мимо императора во главе длинной колонны героев, не каждый день и далеко не каждого пускают на экскурсию в Кремль, в его сокровенные сокровищницы и, главное, в тот самый Дом империи, откуда правит Россией сам государь!

А вечером, сначала на поезде, а затем грузовых автомобилях (!) их привезли в самую императорскую резиденцию «Марфино», где на поляне у пруда их уже ждали накрытые столы и установленные многочисленные палатки, в которых им предстояло жить в ближайшие три месяца. Такое случается не каждый день, особенно если ты сирота и часто кусок черного хлеба был для тебя праздником.

Да, я постарался устроить этим сиротам праздник. Живописная поляна у водной глади пруда, легкая музыка военного оркестра, горячий ужин и возможность вдоволь полазить по образцам различной военной техники, которую выставили им на растерзание на краю поляны. Аэроплан, броневик, трехдюймовое орудие, пулеметы, винтовки и карабины различных моделей, легковой автомобиль, грузовик, пара мотоциклов, велосипеды и прочее, что без толку стояло во всяких гаражах на всяких складах военного ведомства, будучи вышедшим из строя и не подлежащим ремонту. Пусть все это послужит обществу, пусть мои пионеры привыкают к технике с самого начала их служения. Впрочем, во время занятий им предстоит не только осваивать экземпляры неработающей техники и оружия, но и учиться управляться и с исправными образцами.

Я сидел вместе с ними у большого костра, слушал их разговоры, пел с ними песни, много шутил и всячески старался преодолеть ту робость, которая царила на этой поляне в самом начале нашего невероятного вечера. Никакого пафоса и прочего официоза, все это не нужно и вредно. Я помнил свое собственное детство, и тот восторг, который испытывал, когда меня принимали в пионеры, и то отвращение, которое прививали нам, проводя бессмысленные и чисто формальные мероприятия, не нужные никому, включая самих организаторов. Все эти возвышенные, но абсолютно фальшивые слова, всю эту тягомотину, которая царила на всяких линейках и прочих сборах. Нет, в моей пионерии ничего этого быть не должно. К тому же сейчас рядом со мной сидели не просто первые пионеры моей империи, но и первые учащиеся Звездного лица, первое поколение, которое будет возвращено лично мной.

– Пионер – значит первый, – говорил я им, глядя на их возбужденные лица, в их глаза, в которых плясали сполохи огня. – Первый во всем, в учебе, в навыках, в стремлении к новым знаниям и открытиям. Пионеры первыми осваивают новые земли и науки, делают открытия, совершают подвиги и куют славу нашей империи. В нашей Конституции Россия объявлена народной империей, и это так. Среди вас есть выходцы из самых разных слоев нашего общества. Есть дети дворян и дети рабочих, дети крестьян и дети мещан, дети военных и дети священников. Среди вас есть мальчишки и девчонки. Вы все видели полет «Ильи Муромца» сегодня на параде. Еще совсем недавно невозможно было предположить, что тяжелый бомбардировщик будет вести в бой женский экипаж. Прямо на ваших глазах начинается новая жизнь. Ныне в России открыты дороги всем, счастья и успеха может добиться каждый.

Они заворожено слушали меня, глядя с тем наивным восторгом, от которого у взрослых так часто щемит сердце. Как часто мы обманываем их ожидания, как часто восторг оборачивается, нет, даже не ненавистью, а яростным агрессивным неприятием, отрицанием всего, что связано с тем, кто предал их мечты. Сумею ли я пройти этот путь и не оступиться? Ведь эти мальчишки и девчонки могут стать как самыми верными моими последователями, так и теми, кто будет яростно разрушать все, что хоть как-то связано со мной.

Я рассказывал им веселые истории, которые случались на войне. Рассказывал о временах, когда лично я (в смысле – прадед) водил в атаки знаменитую Дикую дивизию, говорил о героизме русских солдат и офицеров. Описывал применение новых образцов техники, объяснял и то, сколько гибнет наших солдат от того, что русская армия очень сильно отстает от противника по количеству орудий, пулеметов, автомобилей, броневиков и прочего. Что нет в нашей армии танков, очень мало аэропланов. И это я говорил тем, чьи отцы погибли на этой войне.

– Мы мирный народ, – говорил я, – не мы начали эту войну, именно Германия объявила России войну, а не наоборот. Но отчего германцы были тогда такими смелыми? Оттого, что считали нашу армию слабой, а Отечество наше неспособным сильную армию создать и обеспечить. Немец посчитал, что сумеет разгромить нашу державу за пару месяцев. Но выстоял русский солдат, хотя и понесли мы большие потери. Вы это знаете лучше, чем кто бы то ни было.

Гнетущая тишина на поляне. Каждый вспоминает своих погибших. Хотя не все тут помнят своих отцов, но жизнь после их гибели они помнят очень хорошо.

– Наша армия держится, наша империя крепнет, и мы обязательно победим, как побеждали всегда. Мы вернем потерянные земли, мы отстроим нашу страну заново, мы сделаем нашу жизнь значительно лучше. Но мы должны всегда помнить о том, что это не последняя война. И если мы не будем к войне готовы, если наши враги будут считать нашу страну слабой, а армию устаревшей, то горе нам всем. Я не знаю, когда будет следующая большая война. Возможно, через пятнадцать лет, а возможно, и через двадцать пять. И за это время мы должны создать новую Россию. Сытую, богатую, счастливую и технически развитую. Нам нужны многие тысячи заводов и фабрик, нам нужны сотни тысяч или даже миллионы тракторов в деревни, для того чтобы каждый крестьянин мог вырастить достаточное количество урожая. Нам нужны миллионы автомобилей, миллионы грузовиков, десятки тысяч орудий, аэропланов, броневи-

ков и танков. Самые современные в мире образцы. Мы не будем нападать, но мы не позволим никому безнаказанно напасть на нас, правда, ребята?

Все оживленно загалдели, соглашаясь. Так легко детей вдохновлять будущим, но еще легче их разочаровать.

– Что вам понравилось больше всего сегодня на параде?

Наперебой зазвучали ответы, но, как и ожидалось, больше всего понравились аэропланы и дирижабль. Немудрено, в общем-то.

– Сейчас батальоны Инженерно-строительного корпуса строят Звездный городок, где вы будете жить и учиться. Там будут не только учебные классы, но и мастерские, и ангары, и даже летное поле. Вам всем представится возможность учиться в аэроклубе и самим со временем подняться в воздух.

Что тут началось! Присутствующие просто задохнулись от восторга! А я добавляю:

– А когда из экспедиции в Сибирь вернется наш дирижабль «Гигант», вы все сможете на нем полететь по небу. И это все случится, как я надеюсь, уже этим летом, до начала ваших занятий.

Ну все, восторг достиг апогея.

– А правда, что на Марсе есть люди?

Вопрос был задан неожиданно, хотя и был ожидаемым. Пожимаю плечами.

– Этого, увы, мы не знаем пока. Есть признаки, что Марс обитаем. Во всяком случае, так утверждают многие ученые. Астрономы видят в свои телескопы, как на Марсе меняются времена года, как меняется цвет его поверхности в зависимости от сезона. Что может указывать на местную растительность. Опять же, вопрос с марсианскими каналами пока неясен, но если они действительно есть и если их построили обитатели Марса, то это значит, что их уровень развития превосходит наш, поскольку создать такого масштаба сооружения нам пока не по силам.

– А они могут на нас напасть?

Вздыхаю.

– Кто знает? Если Марс обитаем, то все может быть. Их планета дальше от Солнца, там значительно холоднее, чем у нас. Люди воюют между собой и по куда меньшим причинам, чем выживание всего человечества. А на Марсе вопрос может стоять именно так. Во всяком случае, я бы этого не исключал и к этому готовился. Кое-что мы можем сделать уже сейчас. Как вы знаете, сегодня наш дирижабль отправился в Сибирь искать следы взрыва космического корабля над тайгой. Прошло всего восемь лет с момента катастрофы над Подкаменной Тунгуской, и следы, а может, и обломки аппарата должны были хорошо сохраниться.

– Аппарата с Марса?

– Как вариант. Или с Венеры. Или еще откуда. Планет много, Вселенная большая. И пока мы на Земле воюем между собой, кто-то, может быть, готовит к нам вторжение. Это может произойти через сто лет, а может и сегодня. И я бы на их месте не стал ждать, ведь люди с каждым годом становятся все сильнее, развивается наука, идет создание новой техники, и в том числе новых видов оружия. Зачем им ждать нашего усиления? Потому мы и предлагаем всему миру, всему человечеству, задуматься над этим. Прекратить все войны, направить средства и силы на науку, на развитие техники, на улучшение образования и уровня жизни людей. Мы должны готовиться к реальным опасностям из космоса, а не придумывать себе проблемы на Земле.

Хорошо ведь сказал, а?

На поляне воцарилась тишина. Что ж, пора возвращать их в прозу бытия.

– Кто мне скажет – почему вы здесь оказались?

Детвора встрепенулась и запереглядывалась. Наконец самый смелый подал голос:

– Потому что вы так захотели, государь.

Я усмехнулся. Малый не промах, нужно будет приметить.

– Верно. А еще почему?

Хмурая девочка бросила с неким вызовом:

– Потому что мы сироты!

Согласно киваю.

– И это тоже верно. Но в России миллионы сирот. Почему именно вы?

– У всех нас отцы погибли на войне.

Всегда ненавидел казенные фразы, но пускаться в рассуждения на эту тему мне было сейчас не с руки.

– Да, ваши отцы отдали свою жизнь за Отечество и за ваше будущее. Россия не забудет их подвиг и поддержит осиротевших детей героев. Но таких детей тоже миллионы. Как так случилось, что здесь оказались сегодня именно вы?

Детвора запереглядывалась. Та же хмурая девочка предположила:

– Нас отобрали дяди-инспектора Корпуса служения, которые приезжали к нам в приют?

Киваю утвердительно.

– Конечно. Вас отбирали они. Но почему именно вас? Из миллионов. Как так случилось, кто мне скажет? Почему вы?

Возникла пауза. Версий не было. В конце концов самый первый мальчик вновь подал голос и буркнул:

– Повезло.

– Именно!

Я показал мальчишке большой палец в знак одобрения.

– Именно повезло! В том, что именно вы сейчас здесь, нет никаких ваших личных заслуг. Так случилось, что дяденьки-инспектора поехали именно в вашу губернию, приехали именно в ваш приют, решили взять именно вас, но на вашем месте мог быть любой сирота, потерявший на войне отца. Что ж, возможно, первый раз в жизни удача улыбнулась вам. Вы оказались здесь и получили самый большой шанс в вашей жизни. Вы оказались здесь во многом случайно, но дальнейшее будет зависеть только от каждого из вас. Вас, первых учащихся Звездного лица, ждет трудная, но интересная жизнь. Никто в лицее вас насильно держать не собирается. Не хотите учиться – можете подойти к своему куратору и сообщить ему об этом. И вас определят согласно вашим желаниям и способностям в другие учебные заведения. Кто хочет вольницы и ударится в бега, того ловить никто не будет. Это ваша жизнь, ваша судьба и вам самим ее ломать. Или добиваться в жизни всего. Говорю сразу, чтобы учиться в лицее и закончить его, вам придется хорошо учиться не только наукам, но и разбираться с техникой, оружием, машинами, аэропланами и всем прочим. По каждому курсу и каждому предмету вы регулярно будете проходить испытания. Кто дважды подряд не пройдет испытание по одному и тому же предмету, будет отчислен. Вас не бросят на произвол судьбы, но команду учеников Звездного лица вы покинете навсегда.

Дерево трещало в костре, и ничто больше не нарушало вечернюю тишину. Все смотрели на меня. Смотрели с разным выражением, но смотрели. Сейчас я тут был в центре их вселенных. И я продолжал.

– Никто не будет вас уговаривать. В Звездном городке запрещены любые телесные наказания. Ваша плохая учеба или ваша лень – это только ваши проблемы. В Звездном лицее лишь один способ порицания – отчисление. Не хотите быть в первых рядах нового дворянства империи – ваше право. Хотите? Вперед! Каждый из вас сейчас поймал удачу за хвост. И лишь от вас зависит, удержите ли вы свою удачу в руках. Путь в новую жизнь лежит сегодня прямо перед вами. В середине августа вы уже въедете в новые корпуса, а с первого сентября начнется ваша учеба. Корпуса Звездного лица будут соседствовать с корпусами Звездного университета. Звездный городок станет тем местом, где рождается новая Россия и новая империя. Рож-

дается та жизнь, о которой можно было только мечтать. Найдите себя и свое место в новой жизни. Творите, стройте, создавайте мир вашей мечты. Жизнь дала шанс вам. Шанс создать свою жизнь самим.

Я поднял с земли прутик и сломал его.

– Все вы наверняка знаете эту притчу об отце, который учил своих сыновей, говоря о том, что прутик сломать легко, а связку прутьев сломать очень непросто. Говорил он это своим сыновьям, чтобы они держались друг друга в своей жизни. Звездный лицей теперь это ваша семья. Держитесь друг друга. И чтобы вы чувствовали локоть товарища, чтобы вы научились взаимопомощи, все обучение в лицее будет построено на учете личных оценок, общих успехов вашей группы и общих успехов всего вашего факультета. Вы отвечаете друг за друга, старшие отвечают за младших, а младшие за старших. Отныне вы одна семья, одна команда. Отныне и до конца вашей жизни. Запомните это.

Глава II

Царь удит большую рыбу

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО».

2 (15) мая 1917 года

Сегодня у меня практически выходной. Сегодня я лишь работал с документами. Ну, и несколько высочайших аудиенций дал. Пригласил к обеду генерала Гурко, после чего мы с ним разбирались с ходом восстановления боеспособности в армии, вопросами подготовки к летнему наступлению и имеющимися проблемами с перевозками и снабжением.

После Гурко у меня был министр иностранных дел Свербеев, а ближе к вечеру – главноуправляющий Министерством информации Суворин. Вот, собственно, и все. По сравнению с моим обычным графиком, это сущее безделье.

Так что сидел я теперь в плетеном кресле на берегу пруда и расслабленно удил рыбу. Имею право. И мне ничуть не мешал отдаленный шум, слышимый в вечерней тишине на очень большом расстоянии. Где-то там, за моей спиной, за домом, стучали топоры. Там силами Инженерно-строительного корпуса РИА возводились корпуса для Ситуационного центра и прочих служб, поскольку места для всего мне необходимого здесь явно недоставало.

А вот пионерлагерь притих. Детвора видела меня, сидящего на берегу с удочкой, и старалась сильно не шуметь.

– Как день прошел, сынок?

Шестилетний мальчишка явно томился необходимостью сидеть на месте, и удочка в его руках постоянно плясала из стороны в сторону. И не устает же целый день носиться в лагере! Впрочем, ответ был очевиден, Георгий так соскучился по обществу своих сверстников и так устал от всего этого дворцового этикета и требований безопасности, что был готов сбежать к детям при первой же возможности. В Гатчине у него хотя бы были какие-то друзья-сверстники, а в Москве он практически безвылазно просидел все это время за высокими стенами Кремля. А там как-то детей не водилось. Сановники, прислуга, солдаты да монахи – вот и все «друзья». Впрочем, в Гатчине он был лишь графом и всего лишь (сомнительной законности) сыном великого князя, а теперь...

– Все здорово, папá! Мне очень-очень нравится! Правда!

Я нахмурился и сказал строго:

– Георгий Михайлович, соблаговолите повторить то, о чем мы с вами сегодня условились.

Мальчик виновато вздохнул, но четко повторил:

– Правильно говорить па́па, а не папа́. Я больше не буду, честное-пречестное слово!

– А почему так правильно говорить?

– Потому что мы русские и говорить должны как русские люди, а не как французы.

– Верно, сынок.

Я кивнул, смягчаясь, а затем продолжил:

– Георгий, ты вот уже два дня среди детей. В основном это твои будущие одноклассники и ученики Звездного лица. Они из разных сословий. Дворян среди них не так уж и много. Если ты хочешь, чтобы с тобой дружили по-настоящему, а не просто искали выгоды от дружбы с тобой, постарайся помнить, что в лицее все равны. Не стоит там кичиться своим графским титулом. Ты помнишь, как звучит приветствие?

– Помню. Честь в служении.

– Именно. И у дворянства служение императору и народу является пожизненным долгом. Мальчик усиленно закивал.

– Без служения нет дворянства, я помню, папа.

– Ты прав, сынок. И никогда не забывай об этом. Как и о том, что ты сын императора, и все будут смотреть на тебя и оценивать тебя. А через тебя будут оценивать и меня, и всю династию. Кичиться этим ненужно, а вот честь блюсти ты обязан. Честь в служении, мой мальчик, запомни это. В служении империи...

Тут поплавок на его удилище задергался, и следующие минуты мы оба увлеченно тащили рыбу из пруда. Даже я с интересом смотрел на нее, ведь это не только первая рыба, которая была поймана при мне в этом пруду, но и вообще первая, которую я видел пойманной в этой эпохе. Что уж говорить про восторг мальчишки!

– Папа, можно я мальчишкам покажу?

Я рассмеялся и отпустил его. Провожая взглядом бегущего вокруг пруда мальчишку с ведерком и спешащего за ним казака-телохранителя, я поймал себя на мысли, что уже и думать забыл о графине Брасовой. Словно и не было ее никогда. Да, Георгию она была матерью, а моему прадеду женой, но мне она была ровно никем. Лишь горечь от понимания того, что я не смог ее спасти от выстрела того безумного унтера Кирпичникова. Там, в Гатчинском дворце. У подножья трона Павла Первого. У подножья императорского трона.

Была ли в этом гримаса истории? Или некая искупительная жертва? Наверняка, будь происходящее со мной доступным всякого рода блогерам и прочим почитателям дзена, миру были бы явлены сотни заумных теорий с претензией на истину. Но нет и не может быть тут никаких рассуждений, ибо случилось все так, как случилось – я не смог спасти графиню Брасову, мальчик Георгий лишился мамы, а если к этому добавить такой нюанс, что за сутки до того этот самый мальчик фактически лишился и папы, и все по моей вине, то...

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО».

3 (16) мая 1917 года

Неровный шум лагеря был различимо слышен в моем кабинете через распахнутое окно. Разновозрастная детвора, разбитая на группы, проходила различные курсы и практические занятия. Причем если в виду резиденции и рядом с прудом было относительно тихо, то вот из-за дальнего парка долетали куда более громкие звуки, хотя полтора километра дистанции и стена деревьев между нами сильно глушили гул моторов и хлопки выстрелов.

– Граф Игнатъев сообщил о вашем желании посетить Россию, генерал.

– Благодарю вас, ваше императорское величество, за эту возможность и эту аудиенцию!

– Тайную аудиенцию, генерал. Тайную! Как и весь ваш визит в Россию, носящий сугубо частный, не афишируемый характер.

Путь в Марфино для генерала Жоффра был непростым. Сначала были осторожные контакты с моим военным атташе во Франции полковником графом Игнатъевым. Затем были задействованы каналы российского посольства в Лондоне, затем мсье Жоффр на нейтральном судне достиг Стокгольма, где его взяли в оборот сотрудники российского посольства в Швеции, обеспечившие его неофициальное и строго не афишируемое прибытие в Петроград по железной дороге через Финляндию. После чего генерал был инкогнито сопровожден в Москву.

Французского генерала в новой столице России приняли вежливо, но не слишком радушно. Торжественных банкетов и прочих всяких приемов не было. Позавчера ему отвели неофициальное и не бросающееся в глаза место на Ходынском поле, где он мог лично лицезреть восторги моих подданных и парад войск. Также генералу устроили экскурсию по Москве, после чего он был на долгой, но сугубо частной встрече с моим новым военным министром генералом Палицыным, во время которой Федор Федорович всласть попил у Жоффра крошечки. Благо генерал Палицын только совсем недавно вернулся из Франции, где в Версале представлял русскую армию при Военном совете Антанты, и оттого был в курсе всех наших с лягушатниками непростых дел и еще более сложных отношений.

Еще какое-то время занял вопрос согласования возможности абсолютно тайной аудиенции у русского монарха, а это, должен вам заметить, было весьма и весьма непросто. Для этого генералу пришлось предварительно встречаться с нашим министром иностранных дел господином Свербеевым, с которым он должен был обсуждать французские предложения и отвечать на российские вопросы. Затем Свербеев был у меня, согласовывая наши позиции. В общем, только сегодня у меня «нашлось время» принять означенного военачальника в своей загородной императорской резиденции.

Восторги и атмосфера новой имперской столицы, деловая обстановка в русском военном командовании и МИДе, а на закуску идиллия в конфискованном у заговорщиков Марфино, где теперь спокойно работает сам император, уверенный в своем положении настолько, что может позволить себе выкроить время на игры с подрастающим поколением, и спокойно терпящий суетливый скаутский лагерь прямо у себя под окнами – все это должно было продемонстрировать французскому генералитету, что Россия практически восстановилась после недавних потрясений и вновь становится сильным игроком на мировой арене.

– Должен отметить, что после цепи трагических и, называя вещи своими именами, откровенно враждебных действий официального Парижа дипломатические отношения между нашими странами разорваны, а наши державы практически оказались в состоянии войны. И хотя больших столкновений пока удалось избежать, имеются убитые и раненые с обеих сторон, что ставит под серьезную угрозу дальнейшее сохранение наших союзнических взаимоотношений в этой войне. Скажу откровенно, общественное мнение в моей империи сейчас настроено крайне антифранцузски. Подстрекательство и фактическая организация нескольких попыток государственного переворота в нашей империи, позорный ультиматум, предъявленный союзнику, вооруженное нападение на Русский экспедиционный корпус, конфискация русских активов во Франции, арест и выдворение из вашей страны всех моих верных подданных – все это не могло и, подчеркиваю, не может пройти бесследно.

Генерал Жоффр сделал предельно протокольное лицо.

– Ваше императорское величество! Я уполномочен временным главой Французского государства генералом Петеном принести вам и вашей империи официальные извинения за безрассудные действия ныне низложенного правительства Александра Рибо и выразить надежду на то, что отношения между нашими державами вновь вернуться к добрым временам «Сердечного согласия».

Не думаю, что Жоффру было приятно так унижаться. Наверняка ему хочется бросить мне в лицо, что именно мои «Сто дней для мира» стали причиной той катастрофы, которая постигла Францию. Уверен, что после войны, если жив останется, он будет писать мемуары, вина проклятых русских в ударе в спину доблестным франко-британским войскам. Но не до обвинений сейчас Жоффру и стоящему за ним Петену. Военная катастрофа привела к полному внутреннему расстройству французского государства и фактическому самообрушению его основных структур. Франция сейчас расколота и близка к гражданской войне, самый близкий союзник Британия, увязнув в своем ирландском мятеже и английских всеобщих забастовках, мало чем может им помочь, зато Германия всей своей мощью нависает над стремительно разлагающимся Западным фронтом. Добавим к этому, что из-за всеобщего пацифизма США пока воздерживаются от официального вступления в войну, и на фоне этого сразу становится понятно, почему генерал Жоффр вынужден сегодня извиняться, а не швырять мне в лицо гневные претензии.

Откуда ему знать, что генералу Нивелю в любом случае не удалось бы прорвать немецкие позиции?! Хотя, разумеется, в чем-то он прав – именно раздутый «Ста днями» парад показного миролюбия воюющих держав скопил тот самый заряд всеобщего пацифизма, который в итоге и воспламенила «мясорубка Нивеля». Слишком завышенными оказались общественные

ожидания скорого мира, слишком ужасающе на фоне этого выглядели новые сотни тысяч бессмысленных жертв на Западном фронте.

Что ж, роли в Большой игре поменялись. И теперь их позиция в переговорах куда слабее нашей. Они нуждаются в нас больше, чем мы в них. Вот и вся причина этих вот поисков дружбы и желания возобновить «Сердечное согласие». Хотя уверен, что как только все устаканится, нам вспомнят все. Значит, нужно выжать из ситуации максимум.

– Думаю, что одними извинениями тут не обойдется. Но об этом после. Вы прибыли в Россию по поручению генерала Петена. Мой министр иностранных дел сообщил мне некоторые аспекты вашей миссии. В частности, предложение восстановить дипломатические отношения между нашими странами. Тем самым нашему правительству поступило предложение признать Верховный Военный Комитет законным правительством Франции. А насколько генерал Петен и ваш Комитет могут реально говорить от имени Франции в настоящий момент? В Париже обосновалась Вторая коммуна, чьи вожди заявили о том, что теперь вся полнота власти переходит к ним. Ваше старое Национальное собрание, бежав из Парижа в Руан, обвинило вашего генерала Петена в узурпации власти, государственной измене и попытке государственного переворота. Кстати, как вы знаете, депутаты французского парламента заявляют о том, что именно их Временное правительство представляет Третью республику. И, наконец, сам генерал Петен, от имени которого вы сейчас говорите, находится в Орлеане, во главе Верховного Военного Комитета, объявившего об отстранении всех предателей от власти и провозгласившего Французское государство, что бы это все ни значило в данной ситуации. И это все не считая волнений по всей Франции и разложения французской армии. Скажу прямо – нам в Москве очень трудно понять истинный расклад сил и кто сейчас представляет законную власть во Франции. Возможно вам, генерал, удастся внести ясность в этот вопрос?

Разумеется, это была изысканная, хотя и совсем не завуалированная издевка с моей стороны. Я был достаточно неплохо информирован о происходящем во Франции и прекрасно знал не только то, кто там, где и за кого, но и вполне себе представлял, на какие воинские силы опирается этот самый Комитет. А опирался он в основном на отдельные части в основном батальонного уровня, более-менее сохранившие прежний кадровый состав из довоенной армии – саперов, артиллеристов, кавалеристов да некоторые части береговых батарей. Впрочем, общая численность войск Комитета хоть и была небольшой, но на фоне общей дезорганизации и развала представляла собой весьма ощутимую силу. Правда, все равно недостаточную для восстановления порядка в провинции, не говоря уж о таких серьезных войсковых операциях, как штурм Парижа. Генералы пытались даже привлечь к этому делу войска, прибывшие из колоний и состоящие из всякого рода чернокожих аборигенов, но пока там не сильно все ладилось. Суданские и прочие алжирские негры не сильно рвались в бой и требовали всего сразу – денег, гражданства, статуса на родине и прочее. А этот самопровозглашенный Комитет реально мог мало что дать. Разумеется, кроме обещаний. Уж этого-то добра от них было в избытке. А так ситуация была как во времена Петлюры в моей истории: «В вагоне Директория, под вагоном территория».

Генерал держал удар весьма достойно. Ни один мускул не дрогнул на его лице, а седые усы все так же топорщились, придавая ему бравый и воинственный вид.

– Ваше императорское величество! Мое Отечество переживает сейчас непростые времена. Лукавые политики привели страну на грань катастрофы. Измена проникла на самые высшие государственные уровни, в правительство и парламент. Вражеские шпионы, агенты германской разведки, смутьяны и подстрекатели ударили в спину доблестной французской армии. Наш славный Париж охвачен беспорядками, волнениями охвачены провинции, беспокойство во всех слоях нашего общества. На карту поставлено будущее Франции, и мы уверены, что только армия может взять на себя ответственность за судьбы государства. Именно поэтому генерал Петен, выполняя свой долг патриота, дал согласие возглавить Верховный

Военный Комитет, созданный патриотически настроенными генералами и офицерами для спасения нашего Отечества. За нами вся мощь французской армии, и пусть очаги смуты еще не полностью подавлены, но наше воинство восстановит законность и порядок, приведя Францию к победе в этой войне!

– Вы, генерал, упомянули о всей мощи французской армии. Но мы с вами люди военные, а отнюдь не политики, коим простительны преувеличения. Насколько мне известно, у вас имеются определенные сложности с количеством боеспособных частей, которые готовы выступить на вашей стороне. Большая часть французской армии стремительно разлагается, фронтовые части большей частью объявили о своем нейтралитете, часть поддерживает парламент и правительство в Руане, а местные коммуны в Париже и провинции полным ходом формируют так называемые революционные отряды. Стрелять серьезно еще не начали, но Франция находится буквально на грани гражданской войны. А меж тем угроза германского наступления сильна в этом году как никогда. Что вы намереваетесь делать в данной ситуации? И что на тему того, что французский парламент поддерживают американцы?

– Ваше императорское величество. Я только вернулся из поездки в Соединенные Штаты. В Вашингтоне меня заверили, что администрация президента на нашей стороне и всячески стремится поддержать победу Антанты в этой войне. А без Франции победа немислима. Равно как без французского генералитета. Поэтому, невзирая на политические предпочтения, администрация президента Вильсона готова оказать нам всемерную поддержку.

– Нам – это Высшему Военному Комитету или Франции вообще?

– Наш Комитет не отделяет себя от судеб нашего Отечества, ваше императорское величество. Эта четкая наша позиция встретила понимание в Вашингтоне. Скажу больше – в ближайшие дни мы ожидаем официального заявления президента Вильсона о том, что в случае наступления Германии на Западном фронте Соединенные Штаты вступят в войну на стороне Антанты.

Вот так вот? В случае наступления и именно на Западном фронте? А если на Восточном, то пусть русские сами разбираются? Очень похоже. К сожалению, мне было довольно трудно проверять сообщения из Америки. Да, мой МИД работал, но опытных дипломатов в США у нас катастрофически не хватало, не говоря уж о разведывательной агентуре. И тут нет ничего удивительного, поскольку «братец Коля» больше уделял внимание европейским делам и относился к США большей частью как к месту, где можно разместить всяческие заказы или взять кредит. Впрочем, на рубеже XIX и XX веков Североамериканские Штаты всеми воспринимались лишь как наглые задворки европейской цивилизации. А уж про Китай в эти времена и говорить было неприлично.

Усмехнувшись, замечаю:

– Насколько я понимаю, ваш Комитет ни одна держава мира пока не признала законной властью Франции. Даже англичане, на которых вы так рассчитываете, официально признают сидящий под охраной британских войск в Руане парламент и сформированное им Временное правительство Бриана. Это же касается остальных членов Антанты и американцев.

Жоффри склонил голову.

– Это временное явление, ваше императорское величество, смею вас заверить. Да, пока мировые столицы осторожничают. Но неофициально мы поддерживаем контакты и пользуемся поддержкой.

– На словах в основном?

– Не только. Мы получаем военную и финансовую помощь. Неофициально, тут вы совершенно правы, ваше императорское величество, но я уверен, что это лишь пока. Время и сила на нашей стороне. Однако признание Россией Высшего Военного Комитета законным правительством Франции и подтверждение вашей страной своих союзнических обязательств значительно бы помогло моему израненному Отечеству восстановить порядок. Тем более

что, насколько мне известно, у правительства вашего величества нет намерений восстановить дипломатические отношения с Временным правительством Бриана.

Киваю.

– Мы считаем Пуанкаре, Рибо, Бриана и Нивеля главными виновниками атаки на части нашего Экспедиционного корпуса во Франции и гибели русских солдат. А также во враждебных действиях против России. Пока во главе вашего Временного правительства мсье Бриан, речь о восстановлении отношений между нашими странами идти не может. Это наша принципиальная позиция. Но это не отменяет возможности того, что нынешний французский парламент сменит главу Временного правительства на более нейтральную фигуру. Возможно, с другим лицом мы сможем выстроить взвешенные и прагматичные отношения. В этом контексте поспешность может повредить делу, а отношения между нашими странами и так испорчены.

– Ваше величество, я уполномочен сообщить вам от имени генерала Петена следующее: виновник военной катастрофы и человек, отдавший приказ об атаке на части Русского экспедиционного корпуса генерал Нивель арестован Верховным Военным Комитетом и предстанет перед военным трибуналом. Взятые под арест мятежниками в Париже бывшие президент и премьер-министр Франции пока вне нашей досягаемости, но я уполномочен заверить ваше императорское величество, что мы приложим все силы для поимки указанных лиц и передачи их справедливому суду. Более того, мы готовы предложить создание совместного союзного трибунала для суда над всеми лицами, виновными в Реймском инциденте. И, разумеется, установления компенсации всем пострадавшим в результате тех трагических событий, включая ущерб, нанесенный интересам и имуществу Российской империи.

– Отрадно слышать, генерал, что вы помните об этом моменте. Но следует заметить, что ущерб России не ограничивается людскими и материальными потерями только лишь в Реймском инциденте. Колоссальные потери в результате подрывной деятельности французских дипломатов и представителей в России, организации заговоров и нескольких попыток государственного переворота. Потери от ультиматума, предъявленного нашей стране французским правительством также не могут быть сброшены со счетов. Я уж не говорю об отмене всех положений, вытекающих из этого ультиматума.

– Безусловно, ваше императорское величество, правительство генерала Петена решительно осуждает преступные действия бывшего правительства Рибо и бывшего президента Пуанкаре. Все положения этого позорного ультиматума будут незамедлительно отменены, а ущерб будет в полной мере возмещен России и всем подданным вашего величества, которые пострадали в результате этих действий.

– Всех действий.

– Разумеется. Всех действий, ваше величество!

– Что ж. Я думаю, что конкретное наполнение французских извинений вы сможете обсудить с главой русского правительства. Итак, резюмируя сказанное, генерал Петен просит нас признать Верховный Военный Комитет в качестве единственного законного правительства Франции и официального подтверждения Россией своих союзнических обязательств?

– Точно так, ваше императорское величество!

– Такая просьба, генерал, дорогого стоит. Но этот вопрос вы обсудите с господином Маниковским. Дело в другом – в чем конкретно вы видите исполнение союзнических обязательств России и Франции? Чем наши державы могут помочь друг другу в этой войне? Генерал Палицын докладывал мне о просьбе генерала Петена об участии русских войск в марше союзников на Париж. Но, во-первых, после того, что случилось под Реймсом, трудно представить русские войска в одном строю с французскими, во-вторых, марш на Париж вряд ли будет прогулкой, а участие наших полков в штурме французской столицы не лучшим образом отразится на восприятии России среди французов, да и в самой Российской империи будет при-

нято неоднозначно. Ну, а в-третьих, две русские бригады сейчас далеко от Парижа и Орлеана и пешим маршем приближаются к итальянской границе. Как вы себе это все представляете?

Жоффри, как мне показалось, обреченно вздохнул. Явно он ожидал подобного вопроса с моей стороны.

– Мы полагаем, ваше императорское величество, что совместный марш на Париж объединенных войск союзников произведет должное впечатление на умы и настроения парижан и в целом французов. Франко-русско-британский корпус, выступивший из Орлеана на Париж, станет самым реальным доказательством возобновления союза.

– И признания правительства генерала Петена со стороны союзников, не так ли?

– Да, ваше императорское величество. Вы тонко подметили суть, благодарю вас.

Генерал склонил голову. Хе-хе, мой дорогой, от меня поклонами не отделаешься!

– А что касается русских полков?

– Полки вашего императорского величества, движущиеся сейчас пешим маршем к итальянской границе, растянуты на довольно большое расстояние. И если передовые батальоны уже миновали Шамбери, то арьергард русских частей все еще в районе Дижона. Представляется целесообразным организовать перевозку железнодорожным транспортом этого арьергарда к Орлеану, где и будет формироваться союзный корпус. Туда же придут и британские войска, соглашение об участии британцев уже негласно достигнуто.

Ага, знаем мы это кино. Нам сказали, что уже договорились с британцами и дело только за нами, а англичанам – что уже обо всем договорились с русскими и теперь дело за Лондоном. Ну, мы тоже умеем в эти игры играть.

– Позвольте, генерал, а как же проблема с вагонами и паровозами? Помнится, мои войска маршируют в Италию вовсе не из-за любви к пешим прогулкам и красивым видам, а ввиду якобы отсутствия подвижного состава, не так ли?

Жоффри слегка поморщился.

– Действительно, ваше императорское величество верно указало на имевшую место проблему с подвижным составом. Но в настоящее время, благодаря усилиям правительства генерала Петена в вопросах восстановления порядка, нам удалось частично решить эту проблему и смею вас заверить, что достаточное количество вагонов и паровозов будет изыскано в оговоренные сроки. К тому же для участия в марше союзников на Париж достаточно всего одного 1-го Особого пехотного полка, который как раз замыкает маршевую колонну и ближе всего к Орлеану.

– Смею заметить, что если правительство генерала Петена столь преуспело в деле восстановления порядка, то вашему правительству, безусловно, удастся изыскать подвижной состав и на остальные три полка Русского экспедиционного корпуса. Впрочем, 5-й Особый пехотный полк уже практически добрался до границы с Италией, где его ждут. Остальным же транспорт просто необходим. Так что, если мы все же договоримся на каких-то условиях, условие подачи подвижного состава для 2-го и 6-го Особых пехотных полков будет обязательным, причем ранее, чем начнется погрузка 1-го Особого пехотного полка для участия в параде союзных войск в Париже. И, разумеется, полное восстановление снабжения и постановка на довольствие всех русских войск, находящихся во Франции. Вы меня понимаете?

Француз заметно скрипнул зубами, но вынужден был согласиться. Продолжим переговоры.

– И главное условие, генерал. Ваше правительство объявляет со своей стороны «Сто дней для мира».

Жоффри, словно мальчишка, замотал головой.

– Это невозможно, ваше величество!

– Отчего же? Неужели мечты об Эльзасе и Лотарингии не дают спать генералу Петену?

– Не в том дело, ваше величество. Всякому здравомыслящему человеку во Франции уже понятно, что пока Эльзас и Лотарингия нам не по зубам. Тут бы государство уберечь. Но...

– Но?

– Мы анализировали такую возможность, не стану скрывать. И итог анализа неутешителен: объявив «Сто дней», мы рискуем просто обрушить фронт, который и так ненадежен.

– Насколько мне известно, генерал, идеи мира достаточно популярны во Франции. Я не имею права советовать генералу Петену, но мне представляется, что, в условиях раздробленности власти в государстве, массы скорее поддержат того, кто первый напишет на своих знаменах самые востребованные в обществе лозунги. Вы присутствовали на нашей первомайской демонстрации. Каковы ваши впечатления?

Жоффри серьезно ответил:

– Это было впечатляюще, ваше величество. Люди ликовали. Ваша популярность в народе необыкновенна. Мне устроили экскурсию по Москве, причем я сам выбирал маршрут. Все очень воодушевлены, судя по тому, что я видел и слышал. И сама армия на параде произвела очень достойное впечатление.

– А два месяца назад Россия была на грани революции и гражданской войны. Для меня не является тайной крайне негативное отношение французского генералитета к объявленному нами мирному плану и этим самым «Ста дням». Знаю, что многие во Франции считают это предательством.

– Ваше величество...

– Не перебивайте императора, генерал.

– Прошу прощения, ваше императорское величество!

– Я позволю себе опустить все события, предшествовавшие моему воцарению. Можно долго разбирать вопрос, кто кого первым предал и кто кому первый нанес удар в спину. Оставим это. Пока. Я хочу лишь заметить, что два месяца назад мы были на грани, на краю пропасти. И удержать империю от падения в пропасть нам удалось в том числе и решительным взятием на вооружение востребованных в народе лозунгов, в том числе лозунгов о мире, о земле, о социальной справедливости. У вас там в столице коммуна, не так ли? И лозунги у них очень радикальные, насколько мне известно. Вашему Комитету необходимо перехватить инициативу, как мне кажется. Опять же, это сугубо мои рассуждения, а никоим образом не советы суверенному государству и его правительству. И еще, как мне представляется, если вы объявите свои «Сто дней для мира», то германским генералам будет сложнее гнать своих солдат в атаку, а тому же президенту Вильсону будет легче аргументировать объявление войны Германии в случае, если немцы ударят по Франции вопреки «Ста дням» и стремлению народов к миру. Подумайте над этим, генерал.

Скепсис на лице Жоффри ясно свидетельствовал, что ни о чем таком думать они не будут. Тогда и метать бисер перед свиньями смысла я не вижу.

– Что ж, согласование всех деталей я доверю главе моего правительства генералу Маниковскому, моему министру иностранных дел господину Свербееву и моему же военному министру генералу Палицыну. Я же хотел бы вернуться к вопросу об аспектах и нюансах дипломатического признания со стороны России. Мне нужно яснее понимать суть происходящего. Ваш Военный Комитет претендует на роль общепольского правительства, ведь так?

Жоффри утвердительно кивнул.

– Точно так, ваше императорское величество! Генерал Петен временно совмещает посты главы государства и главы правительства, возглавляя Верховный Военный Комитет.

– Временно? А каким же видится в дальнейшем состав новой власти во Франции, и на основе каких принципов она будет формироваться?

– Верховный Военный Комитет образован на основе идеи непредрешения. До конца войны вся власть во Франции должна быть сосредоточена в руках военных, а после победы

наш Комитет созовет общенациональное Учредительное собрание, которое и должно определить будущее устройство и принципы правления нашего государства.

– Непредрешение? Интересная концепция.

Где-то я эти «непредрешение» и «учредилровку» уже видел и знаю, чем такое кино заканчивается.

– Верно ли я понимаю, генерал, само наличие идеи непредрешения демонстрирует наличие глубоких противоречий в этом вопросе среди членов вашего Комитета?

– Не совсем так, ваше императорское величество. Большинство высших генералов нашей армии хотело бы установления стабильной и авторитетной государственной власти, но вот среди солдат и офицерства республиканские идеи все еще сильны.

– А вы, значит, хотите...

– ...установить конституционную монархию.

– Во Франции?

Жоффри склонил голову.

– Точно так, ваше императорское величество. И в этом деле мы, патриоты Франции, рассчитываем на определенную поддержку со стороны правящих домов Великобритании, России и Италии, как наших ближайших союзников.

– И кого предполагается возвести на французский трон?

– Его высочество Жана Орлеанского, герцога де Гиза.

– А как же принц Филипп Орлеанский?

– Его высочество Филипп бездетен, и здоровье его подорвано аварией. Во имя блага Франции он дал согласие уступить свои права на трон кузену. А у его высочества Жана, как вам известно, ваше императорское величество, четверо детей, включая трех дочерей и сына. Старшей, Изабелле, осенью исполняется семнадцать.

Намек был весьма прозрачным. Мой интерес к Италии и вояж князя Волконского не могли не беспокоить французов. А тут они вообще старались убить сразу кучу зайцев: и не допустить возможного усиления Италии у себя под боком, и воспрепятствовать расширению влияния России в регионе, включая недопущение возможного появления баз русского флота в Средиземном море, и усилить влияние Франции и Орлеанского дома на Российскую империю посредством возможного брака со старшей дочерью возможного будущего французского короля. Ну, и не допустить усиления Савойского дома за счет возможного родства с домом Романовых. И, разумеется, использовать этот момент в качестве аргумента для принятия моего решения о поддержке генерала Петена и всего их Военного Комитета. К этому еще и прибавим факт того, что мне, как суверенному монарху, а значит, и России, куда ближе идея возможного восстановления монархии во Франции, чем установление Четвертой республики.

Сколько раз я произнес слово «возможного»? Не слишком ли много переменных в этом уравнении? Да и не для того я столько усилий приложил и денег потратил на то, чтобы Россия могла вырваться из «братских объятий» Франции, чтобы вновь туда ее загонять. К тому же не в том сейчас комитетчики положении, чтобы что-то там предлагать в данном вопросе. Скорее, надеются на то, что, как и после наполеоновских войн, британские и русские штыки возведут на французский трон нового монарха.

– А что с правами принца Виктора Наполеона Бонапарта?

– Вашему императорскому величеству, конечно, известно, что герцог де Гиз принц Орлеанский Жан восходит к роду Капетингов и является представителем древнейшего королевского дома Европы, а Бонапарты как монархический род явились миру совсем недавно. К тому же влияние бонапартистской партии во Франции сейчас ничтожно.

Усмехаюсь.

– Значит, вторая Реставрация, генерал?

– Именно так, ваше императорское величество.

– Что ж, генерал, тогда я думаю, что об остальном вы будете говорить с господами Маниковским и Свербеевым. С участием русского военного командования, разумеется. Если вы придете к какому-то соглашению по всем пунктам, я буду рад, что Россия и Франция вновь достигли сердечного согласия.

Глава III

Сны и мир

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО».

4 (17) мая 1917 года

Луч фонарика моего смартфона выхватывал из крошечной темноты причудливые элементы сводов и арок. Впереди из мрака нарисовались перила. Левее выплыли какие-то бронзовые скульптуры, блистающие в белом электрическом луче. Вот женская фигура, а у ног ее петух с ярко сверкающим клювом и гребнем, петух, отполированный многими миллионами пальцев. Сколько желаний было при этом загадано? Могу ли я загадать желание? Или лучше потереть нос собаке? Где она?

Шум отвлекает меня от этой мысли, и я спешу сквозь арку с фигурами на платформу. В крошечной тьме нарождается зарница. Пока лишь далекий отблеск. Что это? Долгожданный свет в конце туннеля? А туннель меж тем прорисовывается все ярче, и вот уже вынырнул из-за бетонного изгиба источник света и нарастающего шума. На темную станцию метро «Площадь Революции» прибывает ярко освещенный поезд. Уже видны силуэты пассажиров, и по мере торможения мой взгляд все более четко выхватывает их фигуры и образы. Вот благообразная старушка с книжкой в руках, вот парень с ноутбуком на коленях, вот скучающий мужчина, безо всякого интереса глядящий в темноту за окном... А вот милая девушка в мини-юбке над чем-то счастливо смеется, глядя на экран смартфона.

Поезд останавливается, и прямо передо мной замирают двойные двери вагона. Девушка поднимает голову и смотрит на меня. Открытый и приветливый взгляд. Она приглашающе машет мне рукой. Да, сейчас, вот сейчас, вот только откроется дверь...

– Посадки нет, отойдите от края платформы!

Громовой голос заставляет меня содрогнуться. Поезд тронулся и плавно заскользил прочь. В панике я бегу за ним, но все быстрее и быстрее уносятся вагоны, мой взгляд отчаянно ищет ту девушку, но ничего уже не разобрать, вот и последний вагон мимо, вот и кабина позади состава, исчезающая в арке туннеля.

Я спешу, я бегу, бегу со всех ног, бегу за уходящим поездом, спотыкаюсь и лечу вниз, прямо на рельсы. Сзади свет, лязг, в глаза бьет прожектор стремительно накатывающего поезда...

Вздвигнув, я резко сел в постели. Липкий холодный пот, бешено колотится сердце, адреналин бурлит в крови, тяжелое сиплое дыхание вырывается из легких. Дрожащей ладонью отираю лицо. Да уж, приснится же такое...

Я встал и, подойдя к окну, распахнул рамы. Прохладный ветер ударил в мои пылающие щеки. Неуверенными движениями набиваю трубку и закурываю. Что это было? Шутки подсознания? Привет из прошлой жизни? Знак? Просто сон?

Вдали за гладью пруда светились фонари пионерлагеря. Майская ночь раскинулась вокруг всем своим великолепием. Яркие звезды успокаивающе мерцали в небесах, стрекотали какие-то насекомые, квакали лягушки, кричала какая-то птица в лесу.

Тишина и спокойствие вокруг. Вот только вновь мутно у меня на душе. Кто я и что делаю здесь, в этом времени и в этом теле? За какие грехи мне выпало оказаться в теле моего прадеда – великого князя Михаила Александровича? Да еще и в самый разгар революции! Кому где-то там не спалось и кто засунул меня в тело брата Николая Второго и обрек тем самым на гибель? Разве просил я в тот злополучный день 20 марта 2015 года такой участи? За что мне такой кульбит судьбы? Бабах, и здарсьте вам – на улице 27 февраля года 1917-

го! И мало того, что в Петрограде полным ходом революция, так еще и по мою душеньку уже выслали группу революционных товарищей, для скорейшего моего оприходования с последующим социальным расстрелом. Не знаю, кто эти юмористы, которые мне это все устроили, но честное слово, повесил бы я их на той же Болотной площади, где развесил давеча некоторых представителей своей великокняжеской родни и прочих проходимцев. Но как узнать, кто эти негодяи-шутники, и как добраться до их шей с мылом и веревкой?

Ну, доберусь я до них, допустим сей гипотетический вариант, и что? Что изменится? Меня вернут обратно, в мой московский офис, в мой начальственный кабинет, вот прямо в тот небоскреб в Москва-Сити? И вот так вдруг, по шелчку чьих-то волшебных пальцев, я снова буду управляться с ничтожными делами медиа-холдинга? Нет, не верю я в это. Слишком крутых дел я тут наворотил, слишком уж радикально изменил будущее, так что не ждет меня в грядущем привычная жизнь, а вернее всего, не ждет вообще никакая жизнь, ибо застрял я здесь наверняка и навсегда. Да и вряд ли этот гипотетический кто-то засунул меня сюда в качестве подопытного клоуна в шоу. Нет, не прозвучит сейчас «Стоп, снято!», не выскочат из-за угла веселые друзья, радующиеся своей мудреной шутке. Нет, слишком много всего произошло за истекшие полтора месяца, слишком много крови, слишком... Да, всего тут «слишком», что уж причитать. Одна Кровавая Пасха чего стоит. Вот на чью совесть отнести сотни погибших от того взрыва людей? А взрыв в Зимнем дворце, в госпитале для тяжелораненых? А сгоревший дворец в Царском Селе? Огонь, кровь и пепел устлали мой путь.

Но, с другой стороны, я же предотвратил братоубийство, фактически отменил революцию и падение монархии, а это немало стоит. И вовсе не потому, что уж такой сторонник самодержавия или хруста французской булки. Впрочем, оглядываясь назад, я вынужден признать – другого варианта у меня не было. Все мои мечты и желания подправить ход российской истории находясь где-то там, за кулисами трона, были изначально обречены на провал. Даже с царской властью мне очень и очень непросто что-то менять, а уж там, за кулисами... Нет, нужно знать моего (теперь) самодурственного самодержавного брата, а главное, представлять себе всю неповоротливую и прожорливую аристократически-бюрократическую систему империи, все эти Земгоры, всех этих депутатов и прочих генералов, всех местных олигархов и эту так называемую интеллигентскую, прости господи, совесть нации, чтобы понять, что я не смог бы изменить ровным счетом ничего. Так что...

Так что да, пока я тут царь-батюшка. И у меня, кстати, чуть меньше двухсот миллионов подданных. И война мировая. И сплошные заговоры. И революционная ситуация. И острейшие кризисы. В том числе и в международных отношениях. И должны мы всем, как земля колхозу. Я уж не говорю о состоянии российской экономики и промышленности. Кто бы там в моем будущем ни распинаялся про «семимильные шаги», с которыми развивалась Россия до 1917 года, все это, по-царски извиняюсь, чушь собачья. Нет, нельзя сказать, что развития не было. Было. Но развитие это было относительно себя прошлой и с каждым годом все более отставало от передовых держав. Да что там говорить, если Российская империя была не в состоянии производить необходимую тучу всяких технических новшеств, среди которых трактора, танки, автомобили, двигатели и многое-многое другое. Либо не производила совсем, либо в количествах, достойных разве что выставочных образцов. Тех же знаменитых «стратегических бомбардировщиков» – аэропланов «Илья Муромец» было за все время выпущено меньше сотни штук, а многие детали одного «самолета» не подходили к другому, а первые экземпляры вообще производились на глазок, ввиду отсутствия чертежей как таковых! И это при том, что другие воюющие державы клепали аэропланы тысячами. Я уж не говорю о том, что двигатели для «Ильи Муромца» в России вообще не производились.

Ну, да бог с ним, что уж тут голову пеплом посыпать. Все эти проблемы никуда не делись, и я их еще долго буду вкушать сполна. Да, революции не произошло. Во всяком случае, в России. Да, теперь на царстве ваш покорный слуга, да, какие-то действия я произвел, и они таки

да имеют последствия. Но что изменилось по сути? Разве я гарантировал стране и истории отсутствие революции? Отнюдь! Ситуация переигралась, но слишком многое я обещал, слишком повысил планку общественных ожиданий. Закон о земле? Прекрасно, всем сестрам по серьгам, возрадуйтесь. Но как быть с резким падением товарного производства зерна? Черт с ним, с экспортом, но голод же! Эти самые почти двести миллионов ртов надо кормить, а, в отличие от Российской Федерации моего времени, население в Российской империи вовсе не сокращалось, а росло бешеными темпами. Да, эта проблема была общей для Европы этого времени, но там хотя бы урожайность и производительность была выше, а тут...

Вспомнились мне слова великого князя Кирилла Владимировича, сказанные им на допросе. С усмешкой сказанные. Мол, пытаюсь остановить войну, я спасаю миллионы лишних ртов, которые, вернувшись с фронта, устроят мне гражданскую войну за передел всего и вся. И вместо того, чтобы дать им мирно сгинуть на фронтах Великой войны, я обрекаю Россию на катастрофу. И, каюсь, мне нечего было ему возразить. Пришлось повесить.

Разумеется, повесил я его не за эти слова, а за участие в заговоре и за попытку государственного переворота, но, как говорится, осадочек остался. Ведь, несмотря на все эти флаги и лозунги, я пока имею очень и очень смутное понятие о том, как разрулить это все. А знамена и прочие транспаранты скорее призваны отвлечь общественное мнение, но, конечно же, надолго этого запала не хватит.

Да, я запустил в оборот лозунги про «освобождение» и «служение», нахватая из опыта известного мне будущего формы и девизы массовых движений Европы XX века, дополнив их ноу-хау пропаганды XXI века и какими-то своими идеями, но это лишь образ, оболочка с очень размытым содержанием. Пока я выигрывал за счет наглости, смелых лозунгов, самых передовых для этой эпохи идей, типа всеобщего избирательного права, прав женщин, трудового законодательства и прочего, но разве этого хватит надолго? Увы, я пока все тот же дилетант на высшем государственном посту. Хватит ли мне везения как-то пропетлять? Мягко говоря, не уверен. Увы.

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО».

5 (18) мая 1917 года

Что ж, есть немаленькая такая вероятность, что господину Шухову в этой реальности таки удастся воплотить в жизнь изначальный замысел. Во всяком случае, зеленый свет проекту возведения 350-метровой башни я только что дал, подписав соответствующие бумаги. Да, амбициозная затея, ничего не скажешь.

Бросив взгляд за окно, я представил себе где-то там, в Москве, на Воробьевых горах, взметнувшуюся ввысь ажурную конструкцию. Если все пойдет по плану, то через год, максимум два, в Москве появится башня, превышающая Эйфелеву на целых двадцать шесть метров. По крайней мере, до строительства Эмпайр-стейт-билдинг в 1931 году Шуховская башня будет высочайшим рукотворным сооружением в мире. И мы уж выжмем из этого максимальный эффект.

Разумеется, в первую очередь она мне была нужна именно как радиопередающая вышка, способная вещать на огромные расстояния, покрывая всю Европу и всю Россию. Но и сама по себе она должна стать пропагандистским символом новой эпохи. Кстати, если уж продолжать аналогию с творением мсье Эйфеля, следует задуматься и над проведением в Москве всемирной выставки. Пусть не сейчас, но готовиться к этому все равно нужно. Если мы рассчитываем на некие инвестиции, то и страну нужно показать во всей красе с демонстрацией открывающихся перспектив и возможностей.

Вообще же в перспективе мне виделась концепция Большой Москвы, в которую войдет Старая Москва с ее нынешними улочками, стеной Китай-города и прочими архитектурными

достопримечательностями для туристов будущего, и Новой Москвы, построенной заново, с чистого листа по самому последнему слову архитектуры и технологий. Разумеется, никаких небоскребов мне не надо, а вот величественные имперские высоты будут обязательно. И вся эта Новая Москва будет строиться, отталкиваясь от культурно-архитектурной доминанты – Шуховской башни, взметнувшейся к небесам.

Просмотрев еще раз выкладки руководителя проекта господина Айзенштейна и моего главноуправляющего Министерством информации господина Суворина, я сделал пометку о необходимости электрической подсветки всей конструкции, наложил итоговую высочайшую резолюцию и отложил папку.

Возможно, кому-то покажется то, чем я занимаюсь, абсолютно не нужным и вообще глупым занятием, ведь идет война, заговор на заговоре, вся держава на грани коллапса, а я тут фантазиями занимаюсь. Но нет, не соглашусь. Во-первых, особых ресурсов все эти проектные работы и прочие изыскания не требовали, а времени на подготовку требовали немало. А во-вторых, я должен всячески демонстрировать окружающим свою абсолютную уверенность в завтрашнем дне, а значит, и уверенность в исходе дня сегодняшнего. Так что проекты не только разрабатывались, но и широко освещались в прессе. Проводились конкурсы и прочие общественные слушания. В частности, активно обсуждалась тема объявления центра Москвы зоной исторического наследия с запретом на снос и реконструкцию зданий, имеющих историческую или культурную ценность. Писались списки таких зданий, шли интриги, колебалась рыночная стоимость недвижимости, и все это вызывало живейший интерес, становясь темами разговоров и в светских салонах, и на рынках города. Уж лучше пусть москвичи архитектуру обсуждают, чем революцию.

Дальше был доклад Министерства информации о ходе работ по расширению Ходынской радиостанции. Меня не устраивала существующая схема, по которой из Ходынки можно было связаться хоть с Лондоном, хоть с Римом, а вот прием сигнала осуществлялся радиостанцией в Твери. А уже оттуда он «на перекладных» доставлялся в Москву. Мне нужно было весь комплекс иметь под рукой, а вот тверская радиостанция перепрофилировалась под базовую для обеспечения устойчивой связи на линии Москва – Петроград, в том числе и для постоянной радиосвязи во время движения между столицами моего императорского поезда. После истории с блокировкой поезда Николая и отрезанием его от всей связи в государстве, я как-то стал нервно относиться к периодам, когда находился «вне зоны покрытия сети».

Сегодня у меня день, посвященный Мининформу. День завтрашнего дня. Хотя далеко не все доклады ведомства господина Суворина касались далеких перспектив. Была обширная аналитическая записка о ходе празднования прошедшего Первомая, отдельно по России и отдельно по другим странам. Суть посылов, лозунги, тенденции. Особо отмечался тот шум, который устроили по всему миру всякого рода суфражистки, требующие от своих правительств такого же признания прав женщин, как это у себя сделала Россия. В общем, пока нам удастся удерживать инициативу, продвигая всякого рода общественные новации и находясь в центре внимания всякого рода прогрессивной общественности в Европе.

Тем более что Россия демонстрировала миру альтернативу французским дрязгам и всякого рода беспорядкам. Мировой общественности был явлен вариант общественных преобразований без серьезнейших внутренних потрясений. Идеи освобождения и служения, мобилизации общества вокруг блага всего народа, примат общественного интереса над личным эгоизмом и такое прочее – все это вызывало серьезный интерес. Пусть это и порождало ожесточенные споры в самых разных слоях – от аристократической и финансовой элиты мировых держав до всякого рода теоретиков революционного движения. Тот же Ленин в Швейцарии чуть ли не ежедневно являл миру очередной свой опус, клеймящий меня на чем свет стоит. В общем, пока мы в тренде. Не знаю, как надолго нашего запала хватит, но пока многие взоры в Европе и США были обращены в нашу сторону.

Следующим был доклад Имперской СБ об интригах вокруг господина Суворина, равно как и самого господина Суворина. Слишком многих он раздражал, слишком явным выскочкой он был, не прослуживший в госаппарате ни одного дня, и произведенный вдруг в действительные статские советники, а это генеральский чин, между прочим. Разумеется, такой резкий взлет не мог не породить зависть, а равно и желание примазаться, так что интриги вокруг нового фаворита развернулись вовсю. В свою же очередь сам господин Суворин активно формировал ориентированную на него команду, которую распихивал в общеимперские, региональные и фронтовые органы, так или иначе входящие в сферу компетенции Министерства информации и формирования общественного мнения в целом. Отметив для себя ключевые моменты и посмеявшись в паре мест, я отложил аналитическую записку.

– Ваше императорское величество!

Поднимаю голову и вопросительно смотрю на адъютанта.

– Государь, вы изволили назначить совещание. Лица, означенные к присутствию, ожидают в приемной.

Киваю.

– Проводите их в зал для совещаний, я сейчас подойду.

Что ж, пора вернуться на грешную землю и заняться текущими делами. У стола для совещаний склонили головы те, от кого во многом зависела сейчас не только судьба России, но и, не исключено, всего мира.

– Честь в служении!

– Во имя Отчизны, ваше императорское величество!

Делаю приглашающий жест, указывая на стулья.

– Приветствую вас, господа. Присаживайтесь. Итак, что там с французами?

Первым встал глава правительства генерал Маниковский.

– Государь, предварительно можно подвести итог наших переговоров с генералом Жоффром. Позиция французской стороны носит объединенный характер, поскольку господин Жоффр находился в постоянном телеграфном контакте с генералом Петеном и все ключевые моменты были оговорены на самом высоком уровне в Орлеане. Здесь изложены основные договоренности.

Он протянул мне папку. Я вдумчиво просмотрел листы.

– Списание российского долга перед Французским государством, реструктуризация долга перед частными лицами и Франция в качестве гаранта по кредитам. А за это они хотят наше признание и...

Маниковский кивнул.

– Да, государь, за это они хотят признание Россией правительства Петена в качестве единственной законной власти Франции. И участие русских войск в так называемом «параде на Париж». Причем хотят уже целую бригаду.

– Аппетиты растут?

– Точно так, государь. А мы за это хотим получить дополнительные поставки вооружений и боеприпасов, а также технологии и чертежи новейших образцов вооружения. В частности, как вы и указывали, мы согласовали разрешение для мсье Рено строить завод в России, в том числе по производству танков.

Просматриваю еще раз список.

– Вы же понимаете, Алексей Алексеевич, что все обещания правительства Петена эфемерны и стоят не больше бумаги, на которой записаны?

– Безусловно, ваше величество. Само правительство Петена никем не признано, и его гарантии пока имеют сомнительную ценность. Более того, все обещанное будет забыто на следующий же день после того, как Петен и компания перестанут в нас остро нуждаться. Поэтому будем стараться выжать из французов максимум полезного за самый короткий срок, пока они

от нас как-то зависят. В частности, в вопросе получения чертежей, технологий, патентов, решений и прочего. И разумеется, постараемся оптимальным образом решить вопрос российских долгов. Насколько это вообще возможно.

– Хорошо. А что скажет МИД?

Свербеев поднялся и сообщил:

– Полагаю, государь, что мы тут мало чем рискуем. Наши дипломатические отношения с Францией разорваны, о восстановлении таковых с правительством Бриана не может идти речи. Так что у нас выбор, либо признать Вторую коммуну, что в данной ситуации представляется невозможным, либо признать Петена, либо не признавать никого и ждать развития ситуации. Но в сложившихся обстоятельствах более перспективным я бы счел признание Петена. Мы сейчас имеем поле для маневра и никак не связаны протоколом и прочими обязательствами с Национальным собранием Франции и его правительством, в то время как иные мировые державы связаны в своих действиях формальными договорами. Так что, признавая Петена, мы перехватываем инициативу на данном дипломатическом направлении.

– Федор Федорович?

Мой военный министр встал и оправил мундир.

– Ваше величество, следует помнить о том, что наша армия и наша промышленность весьма серьезно зависят от поставок вооружений и боеприпасов, в том числе поставок и из Франции. Наш разрыв дипломатических отношений заморозил и поставил под угрозу все поставки по ранее заключенным договорам. Причем многие из них оплачены вперед, и оплачены золотом. Многие представители французской промышленности хотели бы возобновления сотрудничества, но им требуется какое-то добро от власти, пусть и чисто формальное. Признание Петена с условием такого разрешения для французских промышленников и коммерсантов могло бы разморозить поставки и способствовать работе по их расширению. Так что я за признание.

– Василий Иосифович?

Генерал Гурко поднялся и хмуро заметил:

– Государь. Так или иначе мы не можем не учитывать тот факт, что хаос и дезорганизация во Франции создают угрозу скорого обрушения Западного фронта. А тогда германцы займутся нами. Сейчас нами усиленно строятся оборонительные линии в зоне ответственности Северо-Западного и Западного фронтов русской армии, но не хотелось бы проверять устойчивость нашей обороны и наших войск, если немец ударит по нам всей мощью, которая высвободится после падения Франции. Другое дело, что французские войска в окопах пока держат нейтралитет и не спешат признавать генерала Петена властью. Но тут, возможно, наше признание как-то качнет весы в пользу Петена, и Национальное собрание будет вынуждено пойти на переговоры с правительством в Орлеане. Так что я также за признание Петена.

– Что ж, господа, я вас услышал. В таком случае давайте продолжим переговоры и постараемся выжать из французов все, что только будет возможно. И, разумеется, все, что можно с них получить в самые короткие сроки. А пока перейдем к другим нашим вопросам...

МОСКВА. ЛИЧНЫЙ ВАГОН

Е. И. В. МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

7 (20) мая 1917 года

Доклад Имперской службы безопасности об интригах вокруг премьер-министра генерала Маниковского к веселью не располагал. Вчерашний министр вооружений и военных нужд, бывший ранее главой Главного артиллерийского управления, быстро набирал политический вес и формировал под себя собственную группировку. Собственно, многие тяжеловесы в политике и экономике сами переориентировались, делая ставку на него в том серпентарии, который называется политико-экономической элитой государства российского. А желающих сидеть

поближе к финансовым потокам и распределению казенных заказов всегда было предостаточно в любой стране и при любом политическом строе.

Тем более что в связи с последними событиями в государстве шло мощнейшее переформатирование элит и, соответственно, финансовых потоков. С моим воцарением, а особенно после взрыва на Красной площади, денежные реки, традиционно ориентированные на сообщество великих князей, либо серьезно обмелели, либо вообще высохли. Члены императорской фамилии стремительно теряли влияние на распределение средств и заказов, а значит, и финансово-промышленные группы империи стали искать другие варианты и других покровителей. Добавьте к этому одномоментное появление в кругах высшей власти новых лиц, расталкивающих локтями представителей прошлой элиты, и вы сразу представите себе тот змеюшник, который творился вокруг меня. И это отнюдь не добавляло мне спокойствия. Все следили за всеми и всячески старались утопить конкурента. Радовало пока лишь то, что в этой грызне я был ключевым адресатом взаимных доносов и компромата. Так что доклады об интригах вокруг трона я читал с завидной регулярностью.

Далее был доклад все той же ИСБ о ходе расследования взрыва на Красной площади. Тут ничего особо нового не было, идиоты-революционеры попались в лапы следователей Имперской СБ, но дальше этих идеалистов-эсеров ниточки расследования пока не вели. Да, был анализ следов взрывчатки, было установлено, с какого армейского склада она взялась, были арестованы соответствующие должностные лица, но пока из этого всего не прорисовывались главные заказчики, которые и должны будут ответить за гибель сотен людей, включая целый перечень высокопоставленных персон, не считая такой мелочи, что я сам не погиб тогда лишь чудом. Разумеется, назначить виновных я мог за пять минут, но мне нужны были реальные персоналии, а не просто козлы отпущения. Уж их-то я присовокуплю к этому списку в любом случае.

Так, что у нас далее? А далее был обстоятельный доклад Министерства вооружений о производстве этих самых вооружений и боеприпасов, а также о поставках, равно как и о перспективах поставок всего военного добра из-за границы. В частности, целый меморандум из США на эту тему. Что ж, худо-бедно, но как-то вопрос движется. Причем, из-за французских перипетий, в правительстве и среди деловых кругов Америки возникает повышенный интерес к сотрудничеству с Россией. Резюмируя ход переговоров и консультаций, можно констатировать уверенное движение в сторону соглашения о ленд-лизе.

Кстати, действительно подтвердились слова генерала Жоффра о том, что президент Вильсон готовится произнести в Конгрессе речь, полную заботы о миролюбии, в которой пригрозит Германии вступлением в войну в случае, если немцы нарушат свои «Сто дней для мира» и начнут наступление на Западном фронте. Разумеется, о том, что, объявляя свои эти самые «Сто дней», Германия (как и Россия) обязалась не предпринимать наступательных действий только при том условии, что сама не подвергнется атаке, в этом заявлении вообще не упоминается. «Мясорубка Нивеля», давшая немцам формальный повод нанести ответный удар на Западном фронте, была Вильсоном просто выведена за скобки. Международная политика – она такая. Полная субъективного объективизма.

Впрочем, суть понятна. Аналитическая записка МИДа подтверждала, что американское общественное мнение в основном против вступления США в войну, и Вильсону нужен был серьезный повод для открытого объявления войны Германии. А не вступить в войну Америка не могла, слишком многое поставлено на карту, слишком большие деньги на кону, слишком многие влиятельные лица были в этом кровно заинтересованы. Так что есть все основания полагать, что, даже если немцы воздержатся от своего наступления, США найдут другой повод. Например, потопят очередной американский пассажирский лайнер и обвинят в этом «чудовищном преступлении» Германию. Или что-то в таком вот духе. Се ля ви, как говорится.

Хотя вряд ли германский генштаб воздержится от удара. Слишком соблазнительно одним махом вывести Францию из войны и вышвырнуть британцев за Ла-Манш. Американцы же еще не скоро смогут сформировать и перебросить через океан хоть сколь-нибудь значительное количество войск. А к тому моменту все в Западной Европе может быть кончено.

Доклад высочайшей следственной комиссии о злоупотреблениях и хищениях на казенных военных заказах вызывал у меня повышенный интерес. Так... виновные... принятые меры... аресты... трибуналы... Ну, все нормально в целом, едем дальше. Господину Батюшину мешать не стоит, на то он и Великий Инквизитор, как его называют в узких кругах. И, разумеется, я никак не визирую списки казенных. Если я против – просто вычеркну.

Что ж, пока Инквизитор не подводил. Авгиевы конюшни казнокрадства, приписок, а часто и откровенного саботажа за месяц, понятное дело, не вычистишь, но прогресс налицо, и шестеренки государственного механизма заработали быстрее и с большей эффективностью. Особенно после той ночи, когда ранее неприкосновенную публику тащили в «воронок» и усаживали на привинченный к полу стул. Кстати, без пошлых ламп в лицо также не обошлось, уж поверьте. И для наглядности кое-кого пришлось вздернуть на Болотной. В назидание остальным.

Разумеется, в этом деле немалую роль играл и мой премьер-министр Маниковский, железной рукой схвативший за горло всяких деятелей и болтунов, восстановив более-менее нормальную работу транспорта и наладив снабжение. Конечно, до полной нормализации нам было еще далеко, тут свою роль играло «тяжелое наследие царского режима» с острой нехваткой всего и вся – паровозов, вагонов, нормально проложенных железных и шоссейных дорог, отсутствие или слабая развитость целых отраслей промышленности и, разумеется, неэффективное сельское хозяйство. Да, нам (мне), конечно, не следует забывать про грядущий неурожай 1921–1922 годов, но тут бы пережить ближайшие год-два без всеобщего голода. Миллионы мужиков вместо производства хлеба заняты войной и вообще не пойми чем. И их тоже нужно кормить. Равно как и прочее народонаселение. А где взять это все для этих всех? Тем более что грядет земельная реформа, а значит, неизбежны перегибы и общая дезорганизация в поставках продовольствия, как на рынок, так и в «закрома Родины».

Конечно, я рисковал, делая Маниковского премьер-министром. Популярный честолюбивый генерал с диктаторскими замашками не мог не вызвать у меня здорового опасения. Но что мне оставалось делать? Тем более, следует признать, предшественник Маниковского покойный генерал Нечволодов, будучи главой правительства, не сумел обуздать этот гадюшник. А в условиях войны и возглавляемой мной революции, помноженной на бесконечные заговоры, я не мог позволить себе такую роскошь, как слабый и осторожный премьер-министр. Вот и приходилось, с одной стороны, вручить Маниковскому огромную власть, а с другой стороны, надзирать за его художествами со всех сторон. И не только силами официальных спецслужб, но и опираясь на информацию от конкурирующих группировок. А за ними всеми надзирали мальчишки, горничные и прочие истопники, получающие регулярные премиальные от моего личного камердинера Евстафия Елизарова. Пока этот канал информации ничем не уступал в эффективности Имперской СБ или Отдельному корпусу жандармов. А обходился казне не в пример дешевле. Впрочем, казне банда Евстафия не стоила ни одной копейки, поскольку оплачивал все я сам из собственных средств, нажитых непосильным трудом и удачным рождением в семье императора.

Правда, вступая в должность царя, мне пришлось сильно облегчить карманы предыдущего самодержца, оставив лишь «дочерям на булавки». Ну, пусть братец с бывшим августейшим семейством привыкают жить скромно, опираясь на выплаты из бюджета как членам императорской фамилии. Всего-то двести тысяч рублей в год Николаю, плюс тридцать пять тысяч в год на содержание дворца. Ну, еще незабвенной Аликс двести тыщенок в год, плюс Алексею сто тыщ в год, плюс девочкам по пятьдесят тысяч в год, да еще и по миллиону приданого

из казны. Но я за этот миллион потребую от каждой из них множество всяческих услуг во имя государства российского. Например, выйти замуж в интересах империи. А я как глава дома должен одобрить любой их брак. Или не одобрить. И тогда они лишатся премиальных, в смысле приданого и прочих выплат, а также распрощаются со статусом членов императорской фамилии со всеми вытекающими из этого личными драмами и последствиями. Ну, не повезло девочкам с происхождением, ничего тут не попишешь!

Тут поезд дернулся и замер. В дверь постучали. Что-то я увлекся рассуждениями и прозевал прибытие на вокзал.

– Да!

На пороге появился мой адъютант полковник Качалов.

– Ваше императорское величество! Прибыли на Ходынку! Не желаете чего-нибудь перед выходом?

– Благодарю вас, Борис Павлович, пока ничего не нужно.

На перроне нового вокзала меня уже встречали исполняющий должность командующего Императорской главной квартиры генерал Кутепов и мой министр двора и уделов генерал барон Меллер-Закомельский. Выслушав рапорты и обменявшись стандартными фразами приветствия, я двинулся по перрону, оглядывая новостройку. Конечно, во всем чувствовалась некая спешка, не было приличествующей императору монументальности и прочего пафоса, но меня интересовали функциональность и кратчайшие сроки строительства, посему я одобрил временный, так сказать походный, вариант проекта.

Собственно, вокзалом это сооружение назвать было нельзя. Скорее, платформа, для прибытия императорского поезда или других грузов для дворца и всего комплекса на Ходынке. А комплекс был ого-го! Аэродром, ангары, мастерские, мощная радиостанция, казармы Георгиевского полка и Собственного конвоя, вся соответствующая этому инфраструктура и прочее. Ну и, разумеется, сам Петровский путевой дворец со всем, что ему полагается, в качестве официальной резиденции императора. Скажем так – официальной рабочей резиденции, поскольку официальной-официальной резиденцией все же был Дом империи в Кремле. Но нахождение за высокими стенами в центре большого города с узкими улицами было неудобным и создавало определенные неудобства с передвижением и безопасностью. Именно по этой причине для моего, так сказать, личного штаба было выбрано место подальше от центра и поближе к таким важным вещам, как железная дорога, аэродром, радиостанция и, чего греха таить, казармы верных мне войск.

Сюда я мог прибыть в любой момент времени, и, соответственно, отсюда я мог отбыть в любую сторону, возникни у меня такое желание или потребность. В моем распоряжении был императорский поезд, бронепоезд, броневагон, бронедрезина, бронеемобили, несколько легковых автомобилей и автомобиль с гусеничным приводом Кегресса. Добавьте к этому личную эскадрилью, включающую в себя как легкие двухместные аэропланы, так и парочку больших «Муромцев», способных за несколько часов доставить меня хоть в Петроград, хоть Могилев, буде возникнет у меня такое желание. Плюс, при определенном стечении обстоятельств, я мог воспользоваться даже дирижаблем. Другое дело, что надежность всей этой летающей кутерьмы вызывала у меня, как у военного летчика из третьего тысячелетия, очень и очень большие сомнения, а потому без особой нужды я старался в воздух на этих чудесах технической мысли не подниматься.

А вокзальчик, кстати, получился вполне себе ничего. Без особых изысков, но полностью прикрытый от посторонних взглядов строениями и заборами. И главное – от него до Петровского путевого дворца был проложен туннель под Петроградским шоссе. Таким образом, мое прибытие или убытие могло происходить без попадания на глаза возможным снайперам и прочим бомбистам.

Пройдя через туннель, я оказался непосредственно на территории дворцового комплекса. Барон Меллер-Закомельский распинался о проведенных работах. Я слушал, кивал, задавал вопросы. В целом мне понравилось. Правда, барон пытался сдать объект к 1 мая, но я запретил категорически. Нечего тут устраивать горячку и показуху, мне этого добра и в моем будущем хватало.

А сделано было, кстати сказать, немало. По мере выздоровления отсюда выписывали находящихся в госпитале раненых, новых сюда уже не завозили, благо активных боевых действий давно не велось и поток раненых значительно сократился, так что госпиталей хватало. Убрали из дворца следы госпитального разгула, сняли трамвайные рельсы со двора, слегка подмарафетили, и в помещения дворцового комплекса уже въехали соответствующие службы и структуры Императорской главной квартиры.

Обозрев местные достопримечательности, я отправился в свой новый кабинет. Вот всем дворец хорош, за исключением одного – большие прекрасные окна второго этажа видны отовсюду, а значит, всегда нужно учитывать возможного любителя пальнуть в мою обожаемую особу из чего-нибудь стреляющего. Из трехлинейки, например. Потому мне пришлось пойти на уступки моему начальнику охраны генералу Климовичу и позволить изуродовать мой кабинет и мои покои, установив на окна стальные ставни, выдерживающие попадание винтовочной пули. Света они пропускали достаточно, но вот вид из окна мне портили капитально. Однако после череды покушений у меня как-то отпала охота спорить с Климовичем.

– Государь, генерал Гурко ожидает в приемной.

– Благодарю, Борис Павлович. Просите.

Что ж, с корабля на бал, точнее, с поезда да на совещание. А говорить будем о многом, вся война еще впереди.

Распахивается дверь, и мой адъютант оглашает:

– По повелению вашего величества, главнокомандующий действующей армии генерал-адъютант Гурко!

Входит мой главковерх и, вытянувшись, приветствует уже привычным:

– Честь в служении, ваше императорское величество!

– Во имя Отчизны, генерал. Присаживайтесь, Василий Иосифович. Сегодня мы здесь с вами надолго.

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО».

9 (22) мая 1917 года

Мы расположились на поляне, слушая человека, который сидел на пеньке. А послушать было что! И если для меня все эти откровения были знакомыми или даже вызвали умиление своей наивностью, то вот для собравшихся вокруг него пацанов и девчонок это было нечто невообразимое. Цельнометаллические дирижабли, полеты на Луну, эфирные города, благородные и целеустремленные ученые,двигающие науку и все человечество в светлое будущее...

Юные глаза вокруг меня светились восторгом, наполнялись мечтами, они все это себе уже представляли, для них это все было самым настоящим, реальным и, конечно же, возможным. Да, Циолковский был увлеченным человеком и умел увлекать других своими идеями.

Разумеется, я сделал вид, что и меня он увлек, когда два часа назад выдержал с его стороны целый научно-фантастический штурм. Нет, многие его идеи были заведомо нереальными. Тот же металлический дирижабль никто не дал бы ему построить – это же сколько нужно дефицитного алюминия извести! Не говоря уж про прочие моменты и технические трудности. Но это никак не отменяло и никак не умаляло того факта, что Циолковский нужен мне и нужен России. Поэтому, «поддавшись» на его ходатайства, я распорядился выделить ему жилье и лабораторию в Звездном городке, а также одобрил бюджет на штат и исследования.

Вообще же я собирался в Звездном городке сделать своего рода кластер, собрав там не только учеников и студентов императорских звездных учебных заведений, но и лаборатории, мастерские, конструкторские бюро, а вокруг них уже создавать исследовательские институты и опытные производства. То, до чего местные еще не дошли, я должен был воплотить в реальность в этом новом проекте.

Конечно, проблема нехватки кадров никуда не девалась, но ведь что-то можно сделать и с тем, что есть в наличии. В конце концов, пока, слава богу, нет гражданской войны, нет разрухи и разгрома, нет массовой эмиграции и прочих прелестей, так что кадровый потенциал у меня как-то получше, чем был у большевиков в моей истории.

Когда Циолковский выдохся и прервался на попить водички, я взял слово:

– Ну, что? Понравилось вам?

Понятное дело, дальше я несколько минут слушал всеобщие восторги и рассказы наперебой, кому что понравилось. Детвора уже перестала меня бояться и как-то сильно комплексовать. Наоборот, многие уже сообразили, что я поощряю дискуссии и разбор тем, поэтому спешили явить миру (и мне) свою точку зрения и свои аргументы в ее защиту.

И пусть их сейчас всего около трех сотен, но большому количеству я просто физически не смогу уделить достаточное внимание. Они станут первыми моими посланцами в тот новый Звездный городок и Звездный лицей. И пусть осенью их станет уже шесть тысяч, именно эти триста должны стать точками кристаллизации воспитания новой элиты империи.

Наконец, я дождался снижения шума и продолжил:

– Вы все слышали уважаемого Константина Эдуардовича. Дирижабли, ракеты на реактивной тяге, эфирные города, полеты на Луну. Я верю, что вы не только застанете эти все чудеса, но и станете теми, кто эти чудеса науки и техники будет творить. Наша земля и наша планета обладает огромными ресурсами, и мы всего сможем достичь, сможем провести электрификацию и модернизацию всей России, сможем построить прекрасную и удивительную жизнь, но только при условии того, что мы все, все люди, перестанем отнимать и делить, перестанем тратить силы, деньги и ресурсы на войну и вражду. Освобождение мира от угнетения и вражды – вот наша цель. Служение общественному благу и общим интересам – вот наше средство. Честь и служение – так говорим мы. И это не просто слова. Это основа того светлого будущего, которое ждет все человечество. И мы освободим мир от угнетения, а народам укажем истинный путь в счастливое грядущее...

Тут я заметил, что мой адъютант как-то мнется и явно что-то хочет мне сообщить. Кивнув ему, я склонил голову, выслушивая короткое сообщение.

– Что ж, мои пионеры, вот и еще один шаг сделан народами на пути в светлое будущее. Только что пришло известие о том, что Франция объявила «Сто дней для мира» и призывает все воюющие стороны сесть за стол переговоров. Мир близок как никогда!

Вопли восторга и крики «Ура!» прокатились по поляне. Циолковский радовался наравне с другими мальчишками...

Глава IV

Франция зажигает огни

ФРАНЦИЯ. ВТОРАЯ КОММУНА. ПАРИЖ.

10 (23) мая 1917 года

– По приговору революционного трибунала!

Нож гильотины с грохотом упал вниз, отсекая голову какого-то очередного новоиспеченного трупа. Урядный уже даже перестал следить за тем, кого именно укоротили на этот раз и по какому обвинению. Может, это был идейный враг революции, может, буржуа, пытавшийся покинуть город с «народным достоянием», а может, показательно пойманный и казненный спекулянт. А может, просто жертва соседского доноса, что в Париже давно уже в порядке вещей. В общем, попался кто-то в лапы народных стражей, а там с врагами долго не разбирались, активно применяя опыт прошлых французских революций и машину гуманиста профессора анатомии мсье Гильотена.

– Граждане свободной Франции! Граждане Второй коммуны! Слушайте обращение Правительства народной обороны! Блокада Парижа, организованная врагами нашей революции, вот-вот будет прорвана. К нам на помощь пробиваются революционные отряды Бургундской Социалистической Республики! Войска старого режима спешно отступают! Со дня на день в Париж начнут прибывать вагоны с продовольствием из Марселя и Лиона! Вся революционная Франция идет нам на помощь!

Степан Урядный слушал истерически выкрикивающего пропагандистские несурезицы человека и лишь диву давался. Просто удивительно, как за какой-то месяц изменилась жизнь некогда уважаемого Парижа. Огромные очереди из голодных и злых людей перемежались с бесконечными митингами и демонстрациями. Публичные казни уже стали обыденностью. Общественный транспорт практически остановился.

В Париже была введена карточная система, всякий вывоз продовольствия из города карался смертной казнью. Кафе и рестораны либо были закрыты, либо кормили по талонам солдат и служащих новой власти. Магазины, те, что открыты, отпускают только товары по талонам, карточкам и другим средствам распределения Второй коммуны. Впрочем, распределять было особо нечего – склады пусты, железнодорожное сообщение с провинциями остановлено, никакого ввоза продуктов нет, не считая разосланных по округе отрядов, которые именем революции реквизируют любые «излишки», а под это можно было подвести все что угодно. Да, как правило, такие отряды выгребали все, что находили. Стоило ли удивляться, что часто доходило до настоящих боев, благо оружия в охваченной войной стране было предостаточно.

Сам Париж фактически находился в блокаде, поскольку с запада и юга держали позиции части генерала Петена, с севера стояли войска парламента, поддерживаемые англичанами, а с востока за Реймсом была линия фронта, которую с одной стороны удерживали британские войска и части бывшей французской армии, объявившие строгий нейтралитет, а с другой были германцы, выжидающие в своих окопах и укреплениях линии Гинденбурга. Хотя количество собственно французов на Западном фронте стремительно сокращалось, поскольку дезертирство приняло просто-таки массовый характер ввиду того, что большая часть солдат уже окончательно не понимала, во имя чего сидеть в окопах.

Части же столичного гарнизона полностью разложились и занимались большей частью революционным мародерством, фактически выйдя из подчинения любых властей. Новое Правительство народной обороны попыталось взять ситуацию под контроль, учредив народную гвардию и объявив, что довольствие будет выдаваться только тем солдатам, которые запишутся в эту самую гвардию. Но большая часть двухсоттысячного гарнизона Парижа не спе-

шила вновь становиться в строй, предпочитая решать свои продовольственные и имущественные проблемы исключительно грабежом. Впрочем, в новую народную гвардию стали массово записываться простые парижане, как правило из беднейших слоев населения, поскольку практически никакой работы в городе не стало, а нахождение в гвардии давало более-менее стабильный источник к существованию.

Народная гвардия быстренько провела учредительные митинги новых революционных частей, выбрала из своего числа командиров и попыталась взять под контроль улицы французской столицы. И судя по круглосуточной стрельбе на улицах, с этим делом у нее пока не очень получалось. В новом же революционном правительстве шла увлекательная грызня, а сам Париж был фактически поделен на сферы влияния различных группировок социалистов и анархистов. Респектабельные буржуа либо попрятались по домам, либо пытались спешно покинуть охваченный безумием город. Но новая власть самаргаде Жака Садуля быстро и решительно пресекала подобные поползновения, выставив заставы на всех вокзалах и всех выездах из города. Покинуть Париж без пропуска было крайне сложно, а всякая попытка вывезти свое добро объявлялась кражей народного достояния, что влекло за собой прогулку к гильотине. Впрочем, и тот, кто сидел дома, не был ни от чего застрахован, поскольку обыски и реквизиции в пользу и именем Революции стали повседневной обыденностью.

Инфляция приняла эпические масштабы, печатный станок бывшего Банка Франции работал круглосуточно, но хождение денежных знаков все больше заменялось натуральным обменом и снабжением по карточкам. Единственным процветающим «общественным институтом» был черный рынок, который работал практически круглосуточно и на котором обменивали все на все – фамильные драгоценности меняли на дрова, награбленное и реквизированное менялось на спиртное и курево, оружие менялось на продуктовые карточки, консервы и хлеб меняли на патроны и лекарства. Все менялось на все. Лишь деньги уже не стоили ничего. Деньги и человеческая жизнь.

Да, просто невероятно, как быстро все изменилось в Париже и во всей Франции. И те саквояжи, полные денег, которые сам Степан заносил по различным адресам и различным адресатам, и бывшие еще месяц назад вполне себе приличным состоянием, сыграли во всем случившемся свою, скрытую от окружающих, но весьма важную роль.

ФРАНЦИЯ.

ФРАНЦУЗСКОЕ ГОСУДАРСТВО. ОРЛЕАН.

11 (24) мая 1917 года

– Рад приветствовать вас в Орлеане, ваше превосходительство!

– Алексей Алексеевич, ну что за официоз, право! – Мостовский захлопнул дверцу автомобиля и пожал руку встречающего. – Как дела в Орлеане, граф?

– Все сложно, Александр Петрович. Сами видите обстановку.

Имперский комиссар кивнул, обозревая город вокруг себя. На улицах было много военных, и большая часть из них вовсе не выглядела чем-то сильно занятой. Многие бесцельно прогуливались, другие сидели в кафе и рестораничках, а иные просто стояли группами и переговаривались. Причем основную часть составляли именно офицеры.

Словно прочитав мысли Мостовского, граф Игнатъев сообщил:

– Прибывает много офицеров с фронта.

– С фронта?

– Да. Поодиночке или небольшими группами. У многих и подчиненных не осталось. Кто дезертировал, кто-то подался в Париж или Бургундию, а кого-то и сами господа офицеры распустили по домам. От греха. А то уже немало случаев, когда препятствовавших офицеров солдатня просто на штыки поднимала.

Мостовский кивнул.

– Да, я видел в Париже похожие истории.
– Кстати, как удалось выбраться из столицы?
– С приключениями, но без эксцессов. Бумага мсье Садуля оградила автомобили российского посольства от чрезмерного внимания на постах. Но не защитила от выходов отдельных представителей революционных масс, коих сейчас в Париже и окрестностях предостаточно, как вы сами понимаете.

Граф утвердительно склонил голову.

– Да уж, понимаю. Пришлось повидать. В Орлеане с этим поспокойнее, хотя и тут хватает горячих голов.

– Сейчас во Франции их везде хватает. Так, а что офицеры делают по прибытии в Орлеан? Игнатъев пожал плечами.

– Кто как, Александр Петрович, кто как. Одни записываются в формируемые офицерские батальоны, другие ждут каких-то мифических назначений в какие-то мифические будущие части, а большая часть просто слоняется без дела по городу и ждет у моря погоды. Во всяком случае, пока формирование офицерских батальонов идет очень туго, сформировано лишь два, да и то некомплект штатов.

– Два батальона? А по виду на улицах Орлеана офицеров на пару полков наберется!

Граф вздохнул.

– Я об этом и говорю, Александр Петрович. Сидят по кафе и ресторанам. А тут еще генерал Петен объявил свои «Сто дней для мира», что также не добавило желающих записываться в офицерские батальоны. Так что Белая армия ждет прибытия русской бригады в Орлеан как манны небесной.

– Белая армия? Это что еще такое?

– А, вы же не в курсе! Верховный Военный Комитет вчера официально заявил о своем намерении восстановить монархию во Франции.

Мостовский удивленно на него воззрился.

– Вот, право, вы меня удивили, граф! А как же непредрешение и вся подобная ересь?

– Петен со товарищи решили, что размытость целей в условиях того, что вся страна поделена на куски, лишь вредит. Те, кто за республику, пробираются на север, на территории парламента, те, кому ближе идеи социалистов или анархистов, движутся в Париж, Леон, Дижон или Марсель, те, кому наплевать, идут домой или сбиваются в какие-то банды. Осталось показать путь тем, кто хочет восстановления сильной Франции и монархии. Таковых, по мнению генералов Верховного Военного Командования, тоже немало.

– А вы как думаете, граф?

Полковник Игнатъев лишь развел руками.

– Кто тут может что-то определенное сказать в таких-то условиях? Пока ажитации не наблюдается, но так и времени-то прошло всего ничего, верно ведь?

– А что будущий монарх?

– Трудно сказать. Пока герцог де Гиз никак не выражал своего мнения на сей счет, и со вчерашнего дня его никто не видел. Подождем, посмотрим.

– Понятно. Так все же, а почему именно «Белая» армия?

– По цвету знамени Бурбонов.

– Ах да, конечно. Что ж, с этим все понятно. Другое беспокоит меня – где-то через неделю, если ничего не случится на железных дорогах благословенной Франции, начнут прибывать в Орлеан русские части. В складывающихся условиях заявленный марш на Париж вполне может обернуться боями. Вряд ли ведь деятели Второй коммуны добровольно сложат оружие. Во всяком случае, когда я выезжал из Парижа, они были настроены весьма решительно. Правда, разрешение на выезд Жак Садуль подписывал в том числе для того, чтобы поскорее от нас избавиться, так сказать, от греха подальше, дабы какой-нибудь эксцесс не при-

вел к официальному объявлению войны Россией Второй коммуне. Они там в Париже, разумеется, уже знают о погрузке двух русских полков для отправки в Орлеан.

Игнатъев усмехнулся.

– Так пусть договорятся со своими товарищами в Марселе и Лионе не пропускать эшелоны с русскими войсками.

– Мне нравится ваша ирония, граф. Вы же сами знаете, что с нашими полками никто во Франции связываться не желает. Две бригады боеспособных войск на территориях, которые полностью разложились в плане порядка и дисциплины, это, знаете ли, как лиса в курятнике. Кур вроде как много, но разве бросятся они на лисицу?

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО».

11 (24) мая 1917 года

Непроглядная ночь царила вокруг. Тяжелые тучи добавляли мрака в природу и в мою душу. Тяжело было мне. Уж не знаю, по какой причине, но томила душа, не шел сон, и я, соответственно, томил душу и нервы всех окружающих, от камердинера Евстратия Елизарова до самого распоследнего охранника или поваренка. Ну, чего томились они, было как раз понятно, мало ли чего царь-батюшка возжелает в столь поздний час? Но пока мое величество возжелало лишь кресло поставить у пруда да плед с трубочкой принести. Так все и томились – я в кресле, а остальные в окрестностях меня любимого.

Вроде и праздник сегодня, Вознесение Господне, но мечется душа моя. Вроде и в Москву сегодня с утра съездил, и большой императорской выход устроил, и высочайший прием провел в честь государственного праздника, и делегации всякие принял, и мероприятия посетил, но тягостно было, и все тут.

Да и погода не благоприятствовала сидению, усиливался холодный ветер, шумели деревья и камыш у пруда, шелестела трава. Но не мог я себя заставить уйти в дом. В конце концов, мои пионеры там, за прудом, тоже под открытым небом обитают. Ну, не совсем под открытым, понятное дело, все же в армейских палатках как-то всяко теплее, чем мне здесь, но те же их часовые стоят отнюдь не в палатках. И где-то там мой сын Георгий, отказавшийся ночевать в доме. Впрочем, я и не настаивал, пусть сызмальства привыкает к реальной жизни, к тяготам и лишениям служения, так сказать.

Что ж, сегодняшние телеграфные переговоры с Мостовским отчасти прояснили ситуацию, но не добавили определенности в ситуацию во Франции и вокруг нее. Объявленные Петеном «Сто дней» формально остановили наступательные действия, но лишь отчасти, лишь в теории и лишь на бумаге. Во-первых, что бы там ни заявляли сам генерал Петен и весь его так называемый Верховный Военный Комитет, контролировали они лишь незначительные силы бывшей французской армии. Почему бывшей? Да потому, что нынешняя Франция представляла собой некое квазигосударственное образование, сформированное из разрозненных и часто враждебных друг другу частей. Да и армией всю эту разложившуюся вооруженную массу назвать можно было лишь очень и очень условно.

Во-вторых, сидящие в Париже деятели Второй коммуны никаких заявлений относительно режима «Ста дней» не делали. Вероятнее всего, им было просто не до того. Но формально получалось так, что, претендуя на звание единственной законной власти Франции, Вторая коммуна в качестве официального Парижа все еще находилась в состоянии активных боевых действий с Германией, которых по факту не было ввиду затишья на фронтах. парламент же и Временное правительство Бриана, утверждавшие, что именно они являются законной властью, вообще официально заявили о том, что намерены продолжать войну. Впрочем, учитывая, что север Франции и сам Руан находятся под фактическим контролем британских войск, заявить что-то другое они и не могли.

В общем, думается, что в Берлине уже сами не очень понимают, с кем именно они воюют. Хотя, судя по имеющейся информации, с дисциплиной у самих немцев не все в порядке, и не факт, что войска радостно выполняют приказ о наступлении, буде такой будет отдан. К тому же сообщения из Австро-Венгрии также вызвали вопросы, слишком часто там стали происходить всякие демонстрации и прочие эксцессы. И ладно бы где-то на окраинах империи Габсбургов, так еще и в самой столице! Дисциплина в австро-венгерской армии стремительно падала, волнения в национальных частях происходили все чаще. Неудивительно, что в таких условиях император Карл I ведет активные неофициальные консультации со странами Антанты о сепаратном мире. Вон и в Стокгольм прислали представителя, якобы для участия в комиссии Красного Креста, а по факту – для консультаций с господином Шебеко, благо тот до войны был российским послом в Вене. И, разумеется, за этим всем внимательно следили люди Фридриха фон Пурталеса, германского представителя в «комиссии Красного Креста». Все эти телодвижения австрийских союзников не могли не напрягать немцев, и Берлин был вынужден поддерживать боеспособные части на случай, если потребуется оказать «союзническую помощь» Австро-Венгрии.

Впрочем, в кои-то веки германской разведке удалась успешная операция по доставке судна с оружием к ирландскому побережью. Да, в этот раз британская разведка проморгала немцев, и антибританские повстанцы получили несколько тысяч прекрасных армейских винтовок и ручных пулеметов. Как результат – в Ирландии полыхнуло, да так, что британцам не только пришлось перебрасывать дополнительные силы из Метрополии, но даже выводить одну дивизию из Франции. И дело выглядело так, что «пока одну дивизию», а это не добавляло сил и оптимизма командованию Британского экспедиционного корпуса на континенте. Да и контроль над севером Франции и над Временным правительством Бриана явно слабел.

В общем, ситуация в Европе становилась все более запутанной и непредсказуемой. Меня же все больше терзали сомнения в том, правильно ли мы, и в первую очередь я, поступили, решив признать Петена и ввязавшись в авантюру с претензией на трон герцога де Гиза. Да, с одной стороны, это давало определенные перспективы, но только при удачном стечении обстоятельств. Если же все пойдет так, как случается обычно, то русские войска и Россия как таковая окажутся вовлечены в гражданскую войну во Франции, а это чревато не только людскими потерями, но и непредсказуемыми последствиями, как для международной политики, так и для ситуации внутри самой Российской империи.

Первые капли дождя упали на мою голову.

– Государь! Не изволите ли в дом?

Это Евстратий. Как всегда, появился из мрака бесшумно, словно привидение или вампир какой, прости господи. Впрочем, он по сути такой и есть – незаметный, неприметный и очень опасный для окружающих.

– Да, Евстратий, пожалуй. И организуй мне чаю в кабинет. Я еще поработаю.

ФРАНЦИЯ.

МАРСЕЛЬСКАЯ КОММУНА. ЛЕ МАРТИНЕ.

12 (25) мая 1917 года

– Ваше превосходительство! Прибыла авангардная разведка!

Генерал Марушевский обернулся к адъютанту.

– Давай их сюда!

Тот козырнул и испарился выполнять приказание. Через пару минут появился командир разведроты штабс-капитан Ермолаев.

– Ваше превосходительство! Встретили итальянскую колонну с охранением. В грузовых автомобилях пайки итальянской армии, отправленные для нас по распоряжению из Рима.

– Прекрасно. Владимир Станиславович, будьте добры распорядиться, чтобы немедленно была выставлена дополнительная охрана и начат прием груза. В первую очередь выдавать раненым, больным и ослабленным переходом. Остальным – как получится по остаткам. В крайнем случае потеряем, до Италии всего один дневной переход остался.

– Слушаюсь, ваше превосходительство. Сию минуту распоряжусь.

Полковник Нарбут козырнул и отправился отдавать соответствующие приказы. Сам же генерал Марушевский продолжил свой путь в колонне 3-й Особой пехотной бригады. Вот уже почти три недели держали путь через Францию части Русского экспедиционного корпуса, и нельзя этот переход назвать легким. Впрочем, маршем по вражеской местности он также не являлся, хотя отношение французов к проходящим русским частям трудно было назвать дружелюбным. После настоящих боев под Реймсом, когда по приказу генерала Нивеля французская армия попыталась разоружить и интернировать русские бригады, части РЭК были официально объявлены мятежными, а сама Россия была обвинена в предательстве. И если бы не катастрофа при наступлении генерала Нивеля и последовавшие за ней потрясения, то вряд ли генералу Марушевскому и его солдатам позволили бы вот так маршировать. Но ситуация изменилась, причем изменилась дважды, когда сначала им разрешили покинуть Францию, правда при этом отказавшись предоставить транспорт, а потом опять вдруг ветер международной политики изменился и русские войска оказались желанными гостями в Орлеане.

Марушевский покачал головой в ответ своим мыслям. Да, не позавидуешь генералу Лохвицкому, которому сейчас предстояло во главе 1-й Особой пехотной бригады возвращаться в центр Франции для последующего «парадного марша на Париж». И генерал был в глубине души рад тому обстоятельству, что такой приказ получил не он сам и не его бригада. Впрочем, тут случая никакого не было, просто бригада Лохвицкого была ближе к Орлеану. Хотя следует признать, что в обратный путь «счастливики Лохвицкого» отправятся в вагонах, а бригаде самого Марушевского пришлось топтать пешком до самой итальянской границы.

Появление колонны с продовольствием весьма порадовало генерала. Нельзя сказать, что русские солдаты совсем уж голодали в пути, все же всякое местное начальство старалось что-то выдать, надеясь поскорее избавиться от тысяч вооруженных российских солдат, которые шли через их территорию. Разумеется, выдавали не от щедрот душевных и не от любви к бывшим союзникам, а обоснованно полагая, что если русским не выдать продовольствие, то они вполне могут взять и сами. И тогда никто не мог спрогнозировать, во что это все выльется.

Хотя следует отметить, с продовольствием во Франции действительно было плохо, и с каждым днем становилось все хуже. Даже в богатых южных провинциях новые революционные власти были вынуждены распорядиться закрыть границу с Швейцарией и запретить всякий вывоз продовольствия из Франции, что немедленно вызвало серьезные волнения уже в самой Швейцарии, поскольку тем самым был перекрыт главный канал поставок в страну, и тень возможного голода встала в полный рост.

Шли русские войска. Хмуро провожали взглядами простые французы проходящие колонны солдат РЭК, и лишь самые отчаянные сорвиголовы рисковали что-то крикнуть им вслед.

ИТАЛИЯ.

13 (26) мая 1917 года

– И как вам новость о возможной второй Реставрации, ваше высочество?

Генерал отнял от глаз бинокль и пожал плечами.

– Думаю, князь, как и всякий монархист, я должен приветствовать такие желания. Тем более что Франция мне не безразлична, как вы понимаете. Я не думаю, что республиканское правление принесло французскому народу много блага. Все великое в истории страны совершалось при монархии, кто бы ни сидел при этом на троне.

– А то, что на трон вернутся Бурбоны?

– Что ж, права Орлеанской ветви хоть и оспариваются испанскими Бурбонами, но объективно именно они сейчас наиболее влиятельны во Франции, а значит, и более сильны в своих претензиях на трон. Династия же Бонапартов, увы, слаба сейчас. Так что выбор невелик.

– А вы сами?

– Я? Я – генерал-адъютант его императорского величества Михаила Александровича и верен данной мной присяге моему государю.

С этими словами Луи Наполеон Жозеф Жером Бонапарт, принц Французской империи, представитель французского императорского дома Бонапартов и генерал-лейтенант Русской императорской армии, вновь поднял бинокль.

Волконский знал, что принц ничуть не рисуется. Ему вспомнилась история с визитом в Россию тогдашнего президента Франции. Тогда многие сомневались, что представитель династии Бонапартов станет приветствовать главу республиканского государства. Но принц, командовавший в то время лейб-гвардии Уланским ее императорского величества полком, тогда четко обозначил свое видение ситуации. «Я – офицер, командующий российскими войсками, – заявил тогда он, – и мой долг требует, чтобы я приветствовал президента Французской Республики. Я поступлю, как поступил бы любой другой русский офицер». И приветствовал, наступив на горло личному отношению к тем, кто сверг его династию с трона.

Князь вздохнул и, последовав примеру принца, поднял свой бинокль и также принялся следить за приближением первой колонны войск Русского экспедиционного корпуса. Русская бригада покидала негостеприимную Францию, и оставалось лишь надеяться на то, что Италия станет для них более гостеприимной. В том числе и для этого государь император направил его сюда с миссией. В том числе, но не только для этого. Такова уж международная политика.

Глава V

Игры вождей и монархов

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ «МАРФИНО».

15 (28) мая 1917 года

– Итак, Ленин в Париже.

– Точно так, ваше величество. Владимир Ульянов, партийный псевдоним «Ленин», прибыл вчера вечером на Лионский вокзал Парижа. Вместе с ним прибыла группа социалистов из Швейцарии. Большая часть из них – русские политические эмигранты.

– Дальше.

Министр иностранных дел раскрыл папку и сообщил подробности:

– Группа прибыла в особом вагоне. Состав группы уточняем. Согласно донесениям из Парижа, господин Ульянов прямо на вокзале выступил перед толпой с речью.

– С броневика?

Свербеев удивленно на меня поднял взгляд.

– Простите, государь?

– Ленин с броневика выступал?

Министр слегка растерянно взглянул в свои бумаги.

– Прошу простить, ваше величество, но у меня на сей счет нет информации. У вас есть дополнительные сведения от военной разведки?

Я счел лучшим проигнорировать вопрос, благо имею такую возможность.

– О чем говорил господин Ульянов перед собравшимися?

Свербеев, приняв за должное мой встречный вопрос, ответил:

– Подробностей речи мы не имеем. Можем лишь опираться на сообщения парижских газет по этому поводу, которые описывают встречу лишь в самых общих фразах.

– Толпа большая была? Специально пришли встречать прибывших?

– Точных сведений у меня нет, ваше величество. Смею предположить, что большую часть толпы составляли праздные зеваки, коих так много сейчас в Париже слоняется без дела. Во всяком случае, об организованной встрече не сообщалось.

– Вот это и плохо, Сергей Николаевич. Очень плохо. Что МИД, что военная разведка просто проспали, и сам этот вагон plombированный, и его движение, и прибытие группы революционеров в Париж, и само выступление, равно как и дальнейшие действия этих, прости господи, товарищей. Это никуда не годится!

Свербеев только и переспросил, уже окончательно сбитый с толку:

– Plombированный вагон?

– Я не удивлюсь ни plombированному вагону, ни броневику, – отрезал я. – Равно как не удивляюсь тому, что МИД и разведка проморгали все это дело.

Впрочем, я и сам хорош, чего тут на него наезжать. Расслабился, что Ленин со товарищи в Швейцарии и что революционная братва Бургундии и Прованса закрыла швейцарскую границу. Но тут, как говорится, ворон ворону глаз не выклюет – пропустили своих единомышленников в Париж. Может, потому и пропустили, чтобы те подальше были и у них самих не остались бузить, уж слишком амбициозные и активные товарищи рвались из Женевы в столицу французской революции.

Тем временем глава МИДа что-то мне пытался объяснить по поводу того, что официальная русская миссия во главе с Мостовским уже несколько дней как покинула Париж и что российское внешнеполитическое ведомство может получить информацию лишь через вторые-тре-

ты руки, такие как посольства нейтральных государств, представители международных газет, работающие во французской столице, а также от некоторых агентов графа Игнатьева, которые остались в Париже и работают на нелегальном положении.

– В общем, так, – прервал я министра, – с этого момента уделять особое внимание прибывшей группе революционеров, а в особенности господину Ульянову. Я не удивлюсь, что он быстро окажется на самой вершине их мятежного Олимпа. Посему все, что он говорит, кому говорит, что пишет, все статьи за его подписью – в общем, все это должно пристально анализироваться и изучаться. Раз уж проморгали целый вагон, проехавший всю бурлящую Францию, давайте хоть держать руку на пульсе происходящего.

Свербеев поклонился, но счел возможным вставить свои пять копеек:

– Да, государь, но позволю себе заметить, что господин Ульянов прибыл, что называется, к шапочному разбору, поскольку все ключевые посты уже заняты французскими революционерами и прочими ренегатами прежнего режима. Так что очень сомнительно, что прибывшим из Швейцарии достанутся какие-то влиятельные посты в так называемом Правительстве народной обороны.

Качаю головой.

– Вы плохо знаете господина Ульянова. Такой человек найдет себе и пост, и броневик, уж поверьте. Точно так, как он нашел вагон, доставивший их в Париж, а равно обеспечил пропуск этого вагона по всей бурлящей территории с юга на север и организовал, чтобы этот вагон цепляли к очередному попутному составу. И чтобы никто их не остановил, не опросил и даже не заметил.

Откуда я так хорошо знаю господина Ульянова, распространяться ваш покорный слуга, разумеется, не стал. А Свербеев счел за благо больше не нарываться.

ПОСЛАНИЕ ИМПЕРАТОРУ ВСЕРОССИЙСКОМУ. 16 (29) мая 1917 года

Дорогой Майкл!

События последнего времени заставляют меня еще раз обратить твое внимание на необходимость сохранения единства среди союзников по Антанте. В то время, как Германия готовится нанести серьезнейший удар на нашем Западном фронте, мы оказались в ситуации, когда с каждым днем растет вероятность потери нашего главного военного и промышленного союзника в Европе.

С каждым днем увеличивается шанс на то, что Франция при тех или иных обстоятельствах выйдет из войны. Чем это обернется для наших стран, не мне тебе напоминать. Думаю, ты ясно осознаешь, что после высвобождения немецких войск на Западном фронте вследствие возможного выхода Франции из войны, основные силы германской армии будут переброшены на Восток. Не стану тебе указывать на все последствия для русской армии в случае полномасштабного наступления немцев. Совершенно очевидно, что последствия эти станут в целом катастрофическими для России.

Только сохранение Франции в составе Антанты, только восстановление порядка во французской армии и во всем государстве могут дать нам возможность продолжать боевые действия, рассчитывая на скорейшее вступление в войну США и на всемерную военную, финансовую и промышленную помощь из-за океана. Такое положение дел мне представлялось совершенно очевидным, и мне казалось, что ты сам прекрасно отдаешь себе в этом отчет. Однако же последние известия о признании твоим правительством самозванного Верховного Военного Комитета в качестве официального французского правительства породили у меня чувство глубочайшей тревоги.

Майкл! Ты не можешь не осознавать, что данное решение вредит нашему общему делу и подрывает и без того слабое единство во Франции. Мне известна позиция России в отношении отказа от восстановления дипломатических отношений с правительством Бриана. Однако

считаю необходимым напомнить тебе, что именно Национальное собрание, в условиях ареста социалистическими мятежниками в Париже президента Пуанкаре и премьер-министра Рибо, является единственным законным органом власти во Франции, полномочия которого подтверждены в результате выборов. Претензии же генерала Петена и его окружения на власть не только ничем не обоснованы, но и являются фактическим военным мятежом против законной власти, не говоря уж о том, что такие действия ведут к фактическому распаду французского государства и открывают Центральным державам путь к окончательной победе в Великой войне.

Уверен, что ты согласишься со мной в том, что мы должны приложить совместные усилия для преодоления кризиса во Франции, для чего, как мне представляется, необходимо убедить генерала Петена признать верховенство Национального собрания и подчинить свои войска единому командному центру. Причем в сложившихся условиях хаоса и взаимного недоверия среди французских элит эффективным представляется создание единого союзного командования, в которое, помимо представителей парламента и Верховного Военного Комитета Франции, вошли бы на полноправной основе военные из Великобритании и России.

Стороны должны оставить расхождения до лучших послевоенных времен и приложить все усилия на восстановление силы Франции и на нашу общую победу в этой войне.

Прими и проч.

Твой кузен Джорджи

Сандрингем-хаус, 29 мая 1917 года

ПОСЛАНИЕ

*КОРОЛЮ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА
ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИРЛАНДИИ.*

16 (29) мая 1917 года

Дорогой Джорджи!

Благодарю тебя за твое письмо. Действительно, события во Франции и вокруг нее не могут не беспокоить каждого здравомыслящего человека.

Что касается позиции России, то она тебе известна – ни при каком условии мы не можем согласиться на официальное признание правительства во главе с военным преступником, отдавшим приказ об атаке на части Русского экспедиционного корпуса, находившегося во Франции по приглашению официального Парижа и много месяцев воевавшего плечом к плечу вместе с доблестными британскими и французскими войсками. Тем более мы никогда не забудем, кто отдал приказ на подрывную деятельность против моей страны, на заговор и свержение законной власти в России и на свержение законного императора Всероссийского. И когда ты упрекаешь меня в том, что мы признали самозванное правительство генерала Петена, не забывай, будь добр, и о том, что именно твои министры, твои дипломаты, твои агенты и твои подданные, наряду со своими французскими коллегами, сделали все, чтобы обратить мою империю в хаос и беззаконие. Если твое правительство, в том числе и благодаря твоему благотворному влиянию, воздерживается от дальнейших активных действий против моей страны после того случая с арестом генерального консула Великобритании в Москве за организацию и участие в Кирилловском мятеже 19 марта в Петрограде, то этого нельзя сказать об официальном Париже, который не только продолжил курс на конфронтацию и объявление невыполнимых ультиматумов России, но и предательски нанес удар в спину, применив военную силу в отношении моих верных подданных. Такое не забывается и не прощается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.